

Дорога к рыцарству

Автор:

Михаил Атаманов

Дорога к рыцарству

Михаил Александрович Атаманов

Серый Ворон #2

Книга является продолжением первой части «Прорыв в Эрафию», но рассказана от лица другого персонажа: Петра Пузыря, лучшего друга героя первой книги. Вторая книга поможет читателям взглянуть на уже известные им по первой части, а также новые события с другой точки зрения. В контраст к герою-вору сейчас исключительно честный и несколько прямолинейный герой, который пытается сохранить свою детскую наивную любовь к однокласснице в условиях обилия соблазнов чужого реального мира.

Михаил Атаманов

Дорога к рыцарству

Вступление

«Из всех спутников Серого Ворона в библиотеках людских городов и монастырей больше всего документов имеется о Петре Пузыре. Что, в общем-то, неудивительно, учитывая открытую публичную жизнь этого молодого человека, своими неординарными поступками неоднократно вызывавшего пересуды в высших кругах дворянства Зелёной Столицы и даже отмеченного в летописях первородных кланов.

Вне всякого сомнения, Петр Пузырь – личность экстраординарная, поскольку в тысячелетней истории человеческой расы по пальцам одной руки можно пересчитать примеры столь стремительного взлёта от селянской сохи (или в случае нашего героя, от мельничного жернова) в высшее дворянство Эрафии. При этом наиболее почитаем образ Петра Пузыря в рыцарской среде, поскольку за всю свою жизнь Пётр ни разу не дал повода усомниться в чистоте своих стремлений и благородстве поступков».

Выдержка из «Трактата о Четырнадцатой Лесной Войне», составленном Дироносом Ставаеэлем, мастером-хранителем истории при дворе королевы Иллариэтты, великой правительницы светлых эльфов.

О Петре Пузыре известно многое, однако все бережно хранящиеся в архивах документы описывают поздний этап жизни этого великого воина и любимца богов – уже в качестве уважаемого Мастера Меча и тёмного паладина самой Богини Смерти. О его детстве же и ранней юности не известно практически ничего, кроме того, что родился Пётр Пузырь в маленьком лесном посёлке в семье обычного мельника. Однако ни название этого посёлка, ни его местонахождение история не сохранила.

Самый ранний исторический документ, в котором упоминается имя Петра Пузыря, это запись в книге регистрации приезжих, попадавших в Зелёную Столицу через Восточные Ворота. Запись, сделанная поздним вечером сорок третьего дня лета 1110-го года, гласила:

Пеший селянин. Пётр Пузырь, человек. Цель – поступление в городскую стражу.

Эта страница из книги регистрации ныне бережно хранится в центральном храме бога Белла в Холфорде, она примечательна ещё и тем, что там же упоминаются и другие лидеры Серых Воронов: Елена Фея, Каришка и сам Серый Ворон. Эта реликвия жрецами Двенадцати Богов признана подлинной, и потому факт прибытия Петра Пузыря в Холфорд сомнению не подлежит. Однако о дальнейшей судьбе Петра в столице судить трудно. Поступил он в городскую стражу Холфорда или нет? Во время известных событий 1111-го года казармы городской стражи сгорели вместе со всеми документами, а потому ответить на

этот вопрос уже не удастся.

Единственным вещественным доказательством того, что указанный человек в Зелёной Столице действительно обитал, является хранящееся на Арене бревно длиной в семь шагов, использованное Петром Пузырём в гладиаторском бою. Прибитая к бревну медная табличка сообщает об этом историческом событии. Хотя большинство экспертов, пытавшихся хотя бы приподнять вышеупомянутое бревно, сходятся во мнении, что это физически невозможно.

Таким образом, историкам неизвестно доподлинно, что происходило с Петром Пузырём с момента его первого посещения Зелёной Столицы ещё «пешим селянином» и вплоть до его появления в высшем дворянском свете уже в качестве телохранителя, весьма опытного в обращении с оружием. В этой книге автор предлагает свой вариант неизвестных страниц биографии Петра Пузыря, в будущем – одного из самых популярных героев Эрафии.

Глава первая. Шанс выпадает только раз

Мерзкое занятие присутствовать на казнях. Но ещё хуже стоять в оцеплении вокруг эшафота и видеть беснующуюся толпу, пришедшую поглазеть на чужое горе. Собравшиеся горожане смеялись и хлопали в ладоши, приветствуя каждую отсечённую палачом голову. Матери поднимали своих детей повыше, чтобы малыши тоже могли видеть скатывающиеся с плахи головы и корчащиеся в агонии тела.

Среди этой многотысячной привлечённой кровью толпы выделялись отдельные люди, не поддающиеся всеобщему буйному ликованию. Вот в первом ряду стоит симпатичная невысокая девушка в длинном платье и белом чепчике. Она плачет и смотрит на эшафот широко открытыми глазами, не в силах отвести взгляд. За моей спиной раздался очередной глухой удар топора и звук упавшего тела. Толпа вокруг загготала, вверх полетели шапки. Девушка закрыла ладонями мокрое от слёз лицо и без сил упала на колени. Кого сейчас казнили? Её мужа? Брата? Возлюбленного?

Серое затянутое низкими хмурыми тучами небо соответствовало моему настроению. День сегодня вообще выдался на редкость неудачным. После

вчерашнего кровавого штурма резиденции графа Копелло, оказавшегося одним из лидеров культа Моргрима, оставшиеся в строю шесть солдат из моего десятка были направлены на ночное патрулирование Холфорда. После беспокойной ночной смены мы, еле передвигая ноги от усталости, направились было в казарму, но отдых нам не светил – весь наш полк в полном составе бросили на охрану огромной площади возле тюрьмы, где сегодня проходила казнь членов кровавого культа.

А ведь у меня были совсем другие планы на этот день. Вчера гонец герцога Мазуро Кафиштена передал мне письмо с предложением явиться завтра в его дворец во внутреннем городе и обсудить возможность поступления к нему на службу. Это был тот самый шанс, которого я ждал с момента поступления в городскую стражу – проявить себя с лучшей стороны, выделиться на фоне остальных сослуживцев и заинтересовать кого-либо из сильных мира сего. Лучшие из лучших долго не задерживались в городской страже и переходили в охрану местных баронов, графов и герцогов. В этих частных армиях и оплата была намного привлекательнее, и служба не такой нудной. Но главное для меня – там имелась возможность зарекомендовать себя с лучшей стороны и стать оруженосцем одного из дворян, что открывало дорогу в рыцари.

Про герцога Кафиштена говорили, что это суровый человек старой закалки, некогда сам восхищавший двор ратными подвигами. Сейчас герцог состарился, но еще не одряхлел и не потерял хватку. Он до мозга костей верен правителю города, и его люди в числе первых пришли на помощь городской страже в битве с культистами на рыночной площади. Говорят, что в том сражении герцог потерял сына, после чего поклялся всеми силами уничтожать членов культа демона Моргрима. Я был уверен, что смогу убедить старого дворянина в своей непримиримой ненависти к культистам, честности и ратном мастерстве. Вчера я уже грезил, что через сутки стану одним из людей герцога. А тут такой облом...

От грустных мыслей меня отвлек шум неподалёку – какая-то женщина, активно жестикулируя руками, что-то пыталась объяснить стражникам из оцепления. Она показывала на дома с другой стороны площади. Я подошёл поближе и поинтересовался у горожанки, в чём дело.

– Там в переулке разбойники убивают девушку! Помогите ей! – голосила горожанка.

Что это – попытка увести часть стражи с места казни? Кто-то, воспользовавшись отсутствием нескольких охранников, хочет освободить приговорённых к смерти? Или кому-то действительно нужна наша помощь? По крайней мере, это повод не видеть больше ужасов казни. Я скомандовал своим ребятам, и мы побежали в указанном женщиной направлении.

Горожанка не обманула – в переулке совсем недавно творилось нечто ужасное, но к нашему появлению всё закончилось. Лишь восемь бездыханных тел лежали в лужах крови.

– Пётр, иди сюда, взгляни! – подозвал меня Сухой, самый младший из ребят в отряде.

Посмотреть было на что – среди погибших оказались две жуткие ящерицы, покрытые чешуей. Голова одной твари лежала отдельно. Крупный удлинённый череп, челюсти с загнутыми внутрь окровавленными зубами, большие мутные глаза с вертикальными зрачками. Интересно, что это за зверь?

Я обошёл остальные тела, перевернул несколько трупов. Серые укороченные плащи, кожаные куртки с множеством внутренних кармашков, наполненных всякими крючочками, склянками и метательными дротиками. Похоже на экипировку ассасинов. Я вынул свой нож и разрезал рукав куртки на одном из мертвецов, обнажив плечо. Так я и думал – чёрно-красная татуировка в виде глаза на фоне перекрещенных стилетов, знак ассасинов. Шесть ассасинов и два ящера. Что же здесь произошло? Ассасины очищали город от монстров и погибли? И, кстати, где та девушка, на помощь которой мы спешили?

Мои ребята откровенно мародёрствовали – собирали оружие, осматривали кошельки жертв. Я их не останавливал, так как уже понял, что при мизерном окладе городской милиции пытаться остановить мародерство невозможно. Ребята считали это своеобразной премией за опасную работу, искоренить которую уже нереально. Моей задачей было следить, чтобы подчинённые не подрались между собой. Кстати, ссора назревала – трое парней повздорили из-за какой-то вещицы. В ход уже пошли угрозы и ругательства, теперь главное не допустить драки. Я подошёл к спорщикам. Предметом выяснения отношений стал небольшой арбалет, стилизованный под хищную птицу.

Меня как будто ударило током. Это был арбалет Сергея! Точно, это его оружие, сомнений быть не могло!

– Где вы его взяли? – голос предательски сорвался от волнения. – Это оружие моего лучшего друга!

– Ты уверен, Пётр? Знатная вещица. Дорогая, наверное, – протянул мне арбалет Серафим Длинный, являющийся моей правой рукой.

Этот сорокалетний ветеран лишь недавно начал служить в моём десятке, но настолько удачно влился в состав, что представить отряд без Серафима было уже невозможно. Он цементировал дисциплину, а за дельные советы и богатый опыт заслужил непререкаемый авторитет среди остальных стражников.

– Этот арбалет при мне выковали дварфы Малых Граничных холмов. Вот и клеймо мастера. Осмотрите трупы. Кто-то из них должен быть убит выстрелом из арбалета. Мой друг всегда стреляет в голову и никогда не промахивается.

Такой труп сразу нашёлся. Рубленые отметины на некоторых трупах также получили объяснение – это Сергей, разрядив арбалет, выхватил свой великолепный клинок, отрубил голову ящеру и смертельно ранил другого. Ещё двое ассасинов были убиты ударами узких кинжалов. Явно бок о бок с моим другом сражалась Каришка. Наверное, она и была той девушкой, на помощь которой мы спешили. Но вот три других трупа меня озадачили: у одного был разmozжён череп, у двух сломан позвоночник в районе шеи. Результат применения сокрушительной силы. Даже я не смог бы свернуть шеи этим громилам, тем более этого не смогли бы сделать хилый Сергей и миниатюрная Каришка. Что же тут произошло?

Раздался топот множества ног и звон железа. В переулке появился отряд пехотинцев внутреннего города – в блестящих кирасах и при полном параде. Судя по эмблемам на щитах и вышивке на плащах, один из элитных отрядов, подчиняющихся непосредственно правителю Холфорда. Вперёд вышел их командир – десятник в лёгкой парадной кирасе и открытом шлеме с шикарными розовыми перьями. На его груди красовался дворянский герб с обвивающей дерево мантикорой, ряд переплетающихся золотых коронок обрамлял рисунок. В геральдике я ничего не понимал, поэтому не разобрал ни звания этого дворянина, ни к какому он принадлежит роду. Однако молодой человек сам тут

же ответил на мой невысказанный вопрос:

– Я, виконт Сальвайл Армазо, приказываю вам выложить из сумок все взятые с места преступления вещи! Расследованием этого дела будет заниматься представитель правителя нашего города, – в его напыщенном тоне сквозило явное высокомерие.

– В этом нет необходимости, – остановил я расфуфыренного петуха. – Расследование уже завершено силами четвёртой полка.

– Можно ли доверять выводам такого юнца? Не хочешь ли рассказать мне, что тут произошло? – с явным сарказмом в голосе проговорил этот тип.

– Нет, не хочу. О результатах расследования я обязан доложить лишь своему командиру.

– Да как ты смеешь, мелюзга?! – взревел от бешенства мой собеседник. – Я прикажу тебя заporоть!

В ответ я громко расхохотался, и мои ребята поддержали меня весёлым смехом.

– Ты хочешь нарушить закон Холфорда и напасть на представителя закона? – с улыбкой проговорил я. – Могу напомнить тебе, что простолюдинов за это вешают, а дворян колесуют.

– Да ты... за это ответишь! Я лично выну из тебя кишки!

– Единственное, что ты можешь сделать – вызвать меня на честный поединок при трёх свидетелях. Конечно, если у тебя смелости хватит, – я не был дворянином, но служил десятником стражи и изучил законы города.

Расфуфыренный петух остановился и задумался, не слишком-то желая связываться со мной.

– Я могу назначить вместо себя поединщика, – выкрутился мой соперник после минутного раздумья.

– Можешь, конечно. Но представь, какие чувства ты будешь испытывать, когда я выиграю. Тебе придётся при большом скоплении народа просить моего прощения. Для твоей репутации унижение будет смертельным. После такого можешь забыть о приёмах во дворце правителя, о выгодном марьяже, о повышении по службе...

– Я буду драться с тобой сам! Завтра в полдень на арене возле дворца. Призываю всех присутствующих в свидетели! – с этими словами он резко развернулся и ушёл, уведя за собой своих солдат.

* * *

С чего это я надерзил расфуфыренному дворянину? Видимо, тревога за лучшего друга только усилила усталость и раздражение, да ещё этот его невозможно наглый тон. Ведь он считал меня пустым местом – вызвал на поединок, даже не спросив моего имени!

Я уже отдал приказ возвращаться в казармы, как вдруг остановился поражённый – трупы один за другим начали дымиться и расплываться. Через пару минут на земле в ворохах тряпья лежали звериные останки – собаки, один варг, какая-то пантера, ещё один ящер...

– Оборотни, – прокомментировал увиденное Серафим Длинный, сняв шлем и задумчиво почёсывая лысеющую макушку. – Когда я был ребёнком, в нашем лесном посёлке охотники выследили оборотня, им оказался местный гончар. Ну, и озлобившийся народ забил мужика до смерти. А после смерти труп гончара также стал меняться и превратился в кабана.

Значит, оборотни. Помнится, Серый рассказывал о них. Серый... Что же случилось с тобой? Тела друга, к счастью, среди мертвецов не было. Однако он никогда бы не бросил свой любимый арбалет. Ранен? Захвачен в плен? И что это за непонятная сила, с лёгкостью ломавшая шеи ассасинам? Я не знал ответов на все эти вопросы. Осмотрев ещё раз место происшествия, я направил ребят в казарму на отдых.

Я подробно доложил капитану о звериных трупах в одеждах ассасинов и обнаружении оружия друга. Седеющий уже начальник, кряхтя, тяжело встал с

диванчика и подошёл к выходящему во внутренний двор окну. На плацу тренировались солдаты городской стражи, отрабатывая приёмы группового боя. Капитан долго молчал, а потом, не оборачиваясь, спросил:

– Это тот твой друг, который предупредил нас о планах культистов Моргрима?

– Да, это он. Серый Ворон передал нам массу ценной информации. Именно благодаря его сведениям мы узнали места проведения собраний и планы культистов. За это демонопоклонники приговорили его к смерти и наняли ассасинов. Убийцы давно охотились за моим другом. Он рассказывал мне о трёх убитых им ассасинах, и я верю ему.

Старик, не оборачиваясь, удивлённо присвистнул.

– Паренёк смог уничтожить трёх убийц? Как ему это удалось?

– Он следопыт – скрытный, ловкий и осторожный. К тому же отличный стрелок. Я своими глазами видел, как он из арбалета загасил фонарь с двухсот шагов. Его тела не было в переулке. Надеюсь, он остался жив.

Капитан наконец-то соизволил обернуться и поинтересовался у меня:

– Что там произошло, как сам считаешь?

– Мне ясно, что нанятые ассасины не смогли напасть внезапно, и Серый Ворон успел достать оружие. Первого ассасина он сразил выстрелом из арбалета, потом достал свои мечи и вступил в бой. Вместе с ним, похоже, была его подруга. Она ловко орудует двумя кинжалами.

– Двумя кинжалами? Воровка? – брезгливо поморщился капитан.

– Да, она из Гильдии Воров, – признал я. – Наемные убийцы оказались оборотнями и стали менять форму. Мой друг зарубил двух ящеров, а его подруга сразила ещё двух. Возможно, не все ассасины успели перекинуться в зверей. Потом мои друзья каким-то образом справились с оставшимися нападавшими и ушли, бросив арбалет. Возможно, торопились или были ранены.

Седой старик жестом подозвал меня к окну и указал на ряды тренирующихся солдат:

– Смотри, это воины. Среди них есть новички, но немало и ветеранов. Они посвятили тренировкам и сражениям всю свою жизнь, на счету у некоторых десятки боёв. Так вот, даже среди них нет никого, кто справился бы с двумя ассасинами одновременно, не говоря уже о восьмерых. Две полные слаженные группы, годами оттачивающие согласованность действий. И ты хочешь сказать, что какой-то мальчишка смог справиться, пусть даже при помощи подружки-воровки, с двумя полными четвёрками профессиональных убийц? Поверь моему опыту, так не бывает!

Мои доводы не действовали, капитан был твердолобым, как баран. Что же, не в первый уже раз. Он мне не верил и тогда, когда я указал на убежище культистов, и когда пытался предупредить о грандиозном ограблении склада торговцев, и когда доказывал опасность культа Моргрима. Я всегда оказывался прав, но капитан ни разу не признал своих ошибок. Похоже, если я не хочу всю жизнь провести в десятниках, нужно менять место службы и переходить туда, где руководители более расторопные и дальновидные.

* * *

Под вечер меня разбудил дежурный. Срочное задание – соседи выдали тайное убежище одного из членов Гильдии Воров. Приказано арестовать вора и отконвоировать в тюрьму для допроса. Я поднял своих ребят, и мы без ужина отправились по указанному адресу.

Небогатый район, узкие однообразные улочки без названий, деревянные домишки. При инструктаже нам было сказано: «Свернуть с улицы Пекарей в узкую щель возле глубокой лужи, дверь нужного дома будет отмечена косым нарисованным мелом крестом». Эх, когда же в Холфорде догадаются ввести нумерацию домов?

Поблуждав изрядно в надвигающихся сумерках, мы нашли на улице Пекарей глубокую лужу. Оттуда, действительно, начиналась тёмная мрачная извилистая улочка. Белый косой крест на одной из дверей обнаружил Сухой, самый зоркий среди моих ребят. Мы достали оружие и остановились перед дверью. Единственное маленькое окошко с этой стороны дома было на чердаке. Свет в

нем не горел. Мрачный дом, похожий на заброшенный. Хотя, а как ещё должно выглядеть бандитское логово?

Я осторожно проверил входную дверь. Заперто. Стучать и давать преступнику время опомниться я не стал. Махнул рукой, и двое стражников с разбегу вынесли входную дверь, сорвав ее с петель. И тут же упали замертво! Лишь запоздало я сообразил, что слышал свист арбалетных болтов.

Нельзя давать противнику время на перезарядку! Чуть наклонившись и прикрыв грудь и голову щитом, я с рёвом побежал в дверной проём. В щит ударила стрела, застряв в древесине. Я заметил какое-то движение справа и, не раздумывая, рубанул топором. Топор с хрустом вошёл во что-то мягкое, но я не стал останавливаться, так как увидел стоящую на фоне светлого окна фигуру и бросился к ней. Незнакомец перезаряжал арбалет, но не успевал. Он бросил арбалет мне в лицо и потянулся за каким-то оружием, но тоже не успел – я с размаху по самую рукоятку вогнал топор ему в грудь.

Только тут я остановился и огляделся. Бой был закончен, ворвавшиеся сразу за мной ребята успели убить ещё двух неприятелей. Я достал огниво и зажёл лампу на столе. Комната сразу посветлела и даже стала удивительно уютной. Если, конечно, не считать мёртвые тела на полу. Опять ассасины, полная четвёрка. И вряд ли они сидели тут про наши души. Кого они, интересно, поджидали?

Первым делом я подошёл к Серафиму Длинному, осматривающему раны лежащих возле двери бойцов. Я очень надеялся, что мои ребята живы. Но Серафим выпрямился, покачал головой, снял шлем и произнёс короткую молитву богине Моране.

Я отвернулся, чтобы остальные не заметили выступившие у меня на глазах слёзы, и обнаружил за ширмой в нише ведущую вверх лестницу. Я зажёл ещё одну лампу и, держа оружие наготове, поднялся по скрипучим ступенькам на второй этаж. Крохотная комнатуха. Косой накренившийся шкаф и продавленный диван. В шкафу лежали чьи-то вещи – женская одежда, куча платьев, на вид дорогие. Какие-то тряпки и свёртки. На некоторых тряпках заметны следы крови, на постели тоже была кровь. В этот момент меня позвали снизу.

Ребята нашли хозяйку дома – оглушённая или усыплённая, но вполне живая старушка каким-то непостижимым образом уместилась в небольшой тумбочке возле стола. Я приказал положить хозяйку на кровать и привести в чувство. Серафим Длинный осторожно перенёс ее на койку и, приоткрыв ей рот, влил немного содержимого своей фляжки. За вино во фляге я не раз уже ему выговаривал, но сейчас промолчал. Женщина закашлялась и открыла глаза.

– Кто вы? – ошалело спросила она, осматриваясь вокруг.

– Городская стража. Мы получили известие, что в вашем доме могут скрываться преступники. Когда мы вошли, то обнаружили здесь засаду ассасинов.

Женщина испуганно вздрогнула и попыталась встать с койки.

– Не волнуйтесь, они уже мертвы. Вы в безопасности. Расскажите, что здесь произошло.

– Я... не помню, – призналась старуха. – Вечером вернулась домой, открыла дверь. И... кажется, упала...

– Кто еще живёт в вашем доме? – поинтересовался я.

– Парень и слепая девушка, брат и сестра. Спокойные, не пьянствуют, друзей не водят. Они недавно у меня поселились. Всё заплатили, честь по чести.

– Кем парень работает, и как он выглядит? – спросил более опытный Серафим.

– Парень? Охранник он вроде, не знаю точно. Худенький такой, но серьёзный. Два меча носит за спиной. Содержит сестрёнку слепую. Она, хоть и с повязкой на глазах, по хозяйству мне помогает.

У меня вдруг как будто головоломка сложилась в голове. Сергей и Каришка! Два меча, худенький паренёк, слепая девушка. Я ведь сам видел, как Каришка ловко обедала с повязкой на глазах. И ассасины тут же. Всё сходится! Так вот кого поджидали в засаде убийцы! Там, на кровати, была кровь. Мои друзья ранены!

Сверху раздался шум – кто-то открыл скрипучий шкаф. Я сперва не придавал этому значения – решил, что наверх поднялся кто-то из моих ребят. Но все четверо моих бойцов находились в комнате рядом со мной! Когда я это сообразил, то опрокинул стул и бросился наверх по лестнице, выхватив топор и прикрывая голову щитом. И остановился в нерешительности на пороге.

Комната была пустой. Вещей в шкафу не осталось – исчезли платья, свёртки и окровавленные тряпки. На диване тоже не хватало белья. Что за мистика? Куда оно могло всё подеваться? Я осветил угол комнаты – лестница на крышу, распахнутый люк, через который видно тёмное пасмурное небо. Я поднялся наверх. К крыше дома вплотную примыкала соседняя, а за ней следующая крыша, и дальше ещё одна. Бескрайнее поле плоских крыш и печных труб. Да тут полгорода можно пройти поверху, не спускаясь на землю!

* * *

После ухода похоронной команды, забравшей трупы, я отправил ребят в казарму, сам же остался ночевать в этом доме. Формально – для выполнения приказа командира: ведь мой отряд так и не задержал проживающего здесь члена Гильдии Воров. Но реально я понимал, что Серый Ворон до утра точно не появится, да и не собирался я задерживать своего друга.

Я остался отдохнуть и выспаться перед предстоящим завтра поединком на Арене, заодно и обдумать события этого бурного дня. Если бы я вернулся в казарму, пришлось бы ещё полночи доказывать упрямому капитану правильность своих действий и объяснять причину гибели ещё двух солдат из моего десятка. Моя группа считалась в полку одной из самых вышколенных, и капитан откровенно ездил на мне, не давая ни дня отдыха и посылая на самые опасные задания. То ли втайне надеялся, что потери в моей группе будут меньше, чем у остальных, то ли просто из вредности. Так или иначе, за последние дни я потерял уже убитыми или искалеченными шесть человек. Из некогда полного десятка осталось меньше половины...

Хозяйка дома после перенесённых переживаний была рада моему решению остаться. Пока я чинил входную дверь и сломанную мебель, она приготовила ужин и даже постирала мой плащ. Ужин был несравнимо вкуснее той пресной надоевшей каши, которой пичкали нас в столовой полка. Я заинтересовался стоимостью проживания в таком доме. Оказалось, что недорого, в принципе, но

всё же неподъёмно для честного стражника.

Ночью никто не потревожил мой сон. Я отлично выспался и проснулся в прекрасном расположении духа. Позавтракав, сразу же направился в Храмовый район – в дуэли с вооруженным противником всегда возможны разные исходы, поэтому благосклонность бога Тора мне бы не помешала. В храме Тора я подошёл к алтарю и, привычно опустившись на одно колено перед статуей бога войны, произнёс заученные молитвы.

Храм – единственное место во всём Холфорде, где можно было расслабиться и искренне излагать свои мысли. Жрецы всегда были готовы выслушать меня и дать дельный совет. Наверное, если бы не давняя мечта о рыцарском звании, я бы стал послушником в этом храме. Статуя бога Тора засияла золотистым светом, я почувствовал, как тепло перетекает в моё тело. Значит, молитва принята, я получил благословение от бога силы и мужества. Теперь уже можно было не сомневаться в исходе предстоящего поединка.

Городская Арена располагалась в самом центре внутреннего города, по другую сторону площади от дворца правителя. Время до полудня у меня ещё было, и я неторопливо прогуливался по огромной площади, разглядывая великолепные даже осенью сады вокруг дворца. Как вдруг чья-то тяжёлая рука опустилась мне на плечо. Я вздрогнул и обернулся, положив ладонь на рукоятку боевого топорика. Но это оказался Серафим Длинный.

– С самого утра тебя поджидаю, – сразу признался он. – Что думаешь о своем противнике?

– Самоуверенный, молодой и наглый. Не думаю, что он сильный боец, такой петух привычнее себя чувствует на пирах и балах, чем в тренировочном зале.

– Так-то оно так, – с оттенком сомнения в голосе протянул Серафим. – Но Армазо – это богатый и известный род, причём известен он отнюдь не благородными поступками. Можешь мне поверить, какую-нибудь гадость твой противник точно задумал. Отравленный клинок, или маг-помощник на трибуне, или какой-нибудь эликсир стремительности.

– И что ты посоветуешь? – поинтересовался я.

Мне не зазорно было спрашивать совета у своего помощника – тот был гораздо опытнее меня и хорошо разбирался во многих вещах, о которых я вообще не имел никакого представления.

– Одно время я служил охранником гладиаторов и видел много боёв. Знаю множество подлых приёмов, которые применяют на Арене. Предлагаю пойти вместе – возможно, я успею предупредить тебя.

Я поблагодарил и пожал руку Серафиму. Вдвоём мы прошли сквозь огромную каменную арку, оказавшись перед входом в подтрибунные помещения Арены. Ленивые охранники вяло поинтересовались целью нашего появления и отослали к распорядителю боёв. Серафим остался снаружи, я же по винтовой лестнице спустился в холодный подвал. И почти сразу наткнулся на распорядителя боёв, им оказался тощий высокий полуэльф в богатом бархатном камзоле. Всё лицо и шея распорядителя были покрыты разноцветными татуировками, а количество блестящих серёжек в носу и длинных ушах просто не поддавалось исчислению.

Я представился и сообщил, что меня вызвал на поединок виконт Армазо. Распорядитель открыл лежащий перед ним на столе огромный потёртый том в кожаном переплёте, долго изучал записи, после чего задал странный вопрос:

– Ты рассчитываешь справиться в одиночку?

– Один, конечно. Виконт вызывал меня на поединок один на один, – удивился я.

Полуэльф поднял на меня печальные глаза и укоризненно покачал головой:

– Такая запись, действительно, была сделана вчера. Но сегодня гонец графа Армазо сообщил, что условия боя изменились, и стороны договорились усилить составы двумя секундантами. В связи с этим бой был перенесён с четвёртой арены на главную, так как интерес зрителей и ставки на массовых боях выше.

– Я не соглашался на изменение правил! – возмутился я.

– У меня нет оснований не доверять такому известному в городе человеку, как граф Силиус Армазо, – лениво отмахнулся полуэльф. – Но никто не заставляет тебя драться против воли, вполне можно отказаться от боя. В этом случае будет

засчитано поражение, придётся извиниться перед противником и выплатить неустойку зрителям за сорванный бой.

Я поинтересовался размером неустойки. М-да... Таких денег у меня не было. Вот ведь влип. Что делать? Отказаться невозможно, но и драться с тремя врагами... Тут на моё плечо опять легла тяжёлая рука. Серафиму Длинному надоело ждать, и он решил поинтересоваться, чего это я так долго вожусь с формальностями, а не разминаюсь в тренировочном зале. Я вкратце объяснил ситуацию.

– Что я тебе говорил, Пётр! Семья Армазо, этим всё сказано. Они подлецы, каких ещё поискать. Хорошо бы наказать их примерно. Главная арена, говоришь... Ну что же, записывай меня в свои секунданты.

Я не верил своим ушам. Серафим Длинный, который всегда поступал разумно и осторожно, решился выйти на арену против превосходящего противника? Видя моё изумление, Серафим рассмеялся:

– Ты считаешь, что я сошёл с ума? Нет, малыш. Просто я опытный дядька, много повидал на своём веку и способен заметить птицу удачи. Этот бой привлечет кучу народа. Семью Армазо многие не любят за жадность и подлость, поэтому трибуны будут болеть за нас. Среди зрителей наверняка будут и потенциальные наниматели. Если всё сложится удачно, уже сегодня ты станешь оруженосцем одного из влиятельных дворян. Ты уйдёшь, я сам стану десятником. А может, нас обоих захотят нанять. В любом случае я окажусь в выигрыше.

– Нам для начала нужно победить. Всего лишь справиться с тремя опытными воинами! – боюсь, мой голос выдал охватившую меня панику.

– Ты честен и храбр, правда на твоей стороне, и бог Тор благоволит тебе. Мы не должны проиграть. К тому же ты верно заметил, сам виконт больше времени проводит в погонях за юбками, чем в фехтовальном зале. С утра я видел, как виконт с двумя секундантами и оруженосцами шли к Арене. Они выставят трёх латников в полной броне с длиннющими двуручными мечами, рассчитывают держать тебя на дистанции и легко порубить на салат. Считают, что ты будешь вооружён своим топориком. Нужно удивить их, и у меня есть отличная идея, как выиграть этот бой.

* * *

Огромная снаружи, Арена изнутри совершенно не впечатляла размерами. Я ожидал увидеть нечто циклопическое наподобие римского Колизея или чаши футбольного стадиона. Но внутреннее пространство здания было разделено на множество отдельных секций, в которых и проходили бои.

Полуобнаженные девушки в масках проводили нас с Серафимом холодными подземными коридорами в центральную часть Арены и оставили в тренировочном зале готовиться к предстоящему бою. Я был сильно взволнован и молчал. Мой спутник же, наоборот, веселился и всю дорогу отпускал шутки, пытаясь заигрывать с девушками. Когда же дверь за посторонними закрылась, Серафим сразу посерьёзnel и начал внимательно, метр за метром, осматривать стены небольшой тренировочной комнаты.

– Вроде чисто. Ни глазков, ни слуховых отверстий, – заключил он после осмотра.

– Думаешь, кому-то интересно, как бойцы тренируются? – удивился я.

– Конечно. Другая сторона всегда готова хорошо заплатить за информацию, какое оружие у противников, какую стратегию они выберут. Я раньше и сам, честно говоря, неплохо на этом зарабатывал, когда работал охранником на этой Арене. Но при мне эта комната была чистой. Смотрю, такой она и осталась. У тебя есть деньги?

Я удивился неожиданному вопросу, похлопал себя по тощому кошельку и ответил:

– Есть, но не много.

– Тогда мой тебе совет: иди и поставь все свои деньги на нашу победу. Всё равно в случае проигрыша деньги тебе уже не понадобятся – мертвецам деньги ни к чему. А в случае победы мы сможем неплохо заработать.

– Мы? – переспросил я.

– Конечно. Я ещё вчера занял у ребят в казарме приличную сумму, и сегодня с самого утра все эти деньги поставил на тебя, – усмехнулся Серафим.

Я поспешил последовать совету более опытного в таких делах товарища. Когда же я вернулся в тренировочный зал, то застал неожиданную картину – Серафим, вместо того, чтобы в поте лица заниматься с оружием, вёл милую беседу с одной из работающих здесь девушек. Красотка, вся одежда которой состояла лишь из позолоченного рабского ошейника и едва прикрывающих самые пикантные места крохотных лоскутков, сидела у него на коленях и весело хихикала, слушая двусмысленные комплементы. Я не смог сдержать своего возмущения:

– Серафим! Ты же должен был готовиться к бою!

– Да мы и так уже почти победили, – отмахнулся от замечаний напарник, продолжая обнимать девицу.

– Серафим, ты такой сильный, такой мужественный, – ворковала красотка на ухо стражнику.

– Что-то я не заметил, что мы уже победили. Как справиться с тремя опытными воинами?! – от негодования я едва не кричал.

– Уже придумал, сейчас расскажу, Серафим совсем уж откровенно принялся лапать сидящую у него на коленях девушку-рабыню, даже запустил свои широкие ладони под те кусочки ткани, которые должны были символизировать одежду.

Рабыня, нужно отметить, нисколько не препятствовала такому обращению. Я же поспешно отвернулся, чтобы не смотреть на это безобразие. Хотя девушка была весьма даже симпатичной...

– Так вот, – продолжил свою мысль Серафим, – как только дадут сигнал к началу поединка, мы со всех ног бежим к виконту и атакуем его вдвоём одновременно. Он самый слабый из троицы. Если мы не дадим его секундантам времени опомниться, то вмиг уложим виконта. Чтоб действовать быстрее, даже разденемся до пояса – нам нужна подвижность и скорость. Поединок остановят сразу, как только виконт упадёт – у него влиятельный папаша, поэтому маршал-распорядитель не даст нам прикончить этого молокососа. Так что воевать с

опытными мечниками нам даже не придётся. Эй, ты куда? Я только-только стал входить во вкус...

Последние фразы относились к девушке – она встала, поправила свою одежду и извинилась, что её ждут дела.

– Продолжим после твоей победы, мой герой. Тогда у нас будет больше времени, – многообещающим тоном сказала она Серафиму и быстро скрылась за дверью.

– Вот теперь мы точно победим, – негромко усмехнулся мой напарник, дождавшись, когда звуки шагов красотки стихнут вдалеке.

До меня только сейчас дошел смысл этой сцены, и раздражение на товарища сменилось искренним удивлением:

– Так ты специально при ней нес всю эту чушь? Думаешь, её к нам подослали?

– Конечно, подослали. Пойми, семья Армазо – это мерзавцы. Они просто не способны вести себя честно. Я тебе уже говорил, в этой комнате нет ни слуховых окон, ни скрытых глазков. Поэтому я с самого начала ожидал появления какого-либо шпиона – массажиста, скучающего охранника или просто случайно забредшего к нам зрителя. И тебя отослал не столько ради будущего выигрыша, сколько чтобы дать противникам заслать своего человека. Как только ты ушёл, появилась эта девушка. Сказала, что я ей понравился, и она пришла поддержать меня перед боем. Пётр, я вовсе не красавец – немолодой, весь в шрамах, голова седая, волос почти не осталось. Девуцы на меня обычно сами не прыгают. Но, конечно, я не подал виду и воспользовался возможностью ввести противников в заблуждение.

– А я почти поверил!.. Хотя твой план и показался мне странным, но я принял его за чистую монету, – признался я.

– Станным? Да ты реального плана ещё не слышал! Вот он действительно странный, – расхохотался Серафим. – Во-первых, мы действительно разденемся по пояс...

* * *

Арена встретила меня ярким светом и гулом тысяч голосов. Посыпанная мелким белым песком прямоугольная площадка двадцать на тридцать метров, каменные стены в два человеческих роста по периметру. Ряд высоких деревянных флагштоков без каких-либо знамён или вымпелов – их наряжали во время городских праздников.

Осенний воздух охлаждал голое тело – мы с Серафимом вышли на поле боя раздетыми по пояс. Я ощущал на себе заинтересованные взгляды девушек и оценивающие взгляды мужчин и поприветствовал трибуны взмахами рук. Зрители ответили мне восторженным гулом. Серафим не ошибся – семью Армазо многие не любили, и публика в большинстве своём болела за нас. За моей спиной гулко лязгнула закрывшаяся решётка. Всё, пути назад больше не было.

Настало время рассмотреть наших соперников. На другом конце арены я увидел троих мечников. Справа и слева могучие высокорослые воины с огромными двуручниками, между ними жался низкорослый виконт Армазо в толстенном панцирном доспехе из-под которого нелепо торчали тоненькие ножки в кольчужных колготах. Виконт прикрывался большим квадратным щитом и был вооружён коротким мечом.

Глашатай громко объявил, что бой проведут виконт Сальвайл Армазо, десятник второго полка Холфорда, вместе с двумя секундантами против десятника четвёртого полка Петра Пузыря с секундантом. После чего маршал-распорядитель попросил тишины на трибунах и потребовал стороны изложить претензии друг к другу. Первым начал свою речь Сальвайл:

– Вчера этот простолюдин имел наглость прилюдно оскорбить меня, благородного дворянина. Поскольку этот щенок по какому-то недоразумению является городским стражником, я не мог позволить себе просто взять наглеца за шиворот и хорошенько выпороть. Однако этот нахал совершил страшную ошибку – своей дерзостью он оскорбил не только меня, но и безмерно уважаемого мною правителя нашего города, в армии которого я имею честь состоять. Видели бы вы, как испуганно вытянулось лицо этого мерзавца, когда я вызвал его на бой. Он потерял весь свой пыл и на коленях молил о пощаде. Но я был настроен решительно, и вот я здесь. Можете не сомневаться, честь нашего правителя будет отомщена. Я и мои люди примерно накажем этого наглеца. Его смерть послужит хорошим уроком для других выскочек!

Нужно сказать, своей речью виконт добился нужного эффекта. Зрители восторженно приветствовали его, а меня долго освистывали, не давая даже рта открыть в своё оправдание. Но я терпеливо ждал, пока осуждающий гул стихнет, после чего начал ответную речь:

– Тор, бог чести и силы, и все боги Эрафии! Вы были свидетели нашей ссоры вчера. Призываю вас всех в свидетели – не прошло и одного дня, как виконт Армазо успел нарушить данную им клятву. Причём нарушить не один раз, а многократно. Вчера он оскорбил меня, представителя законной власти. Оскорбил прилюдно, в присутствии трёх свидетелей. Поэтому по законам нашего города я предложил ему поединок. Но этот трус не был готов отвечать за свои слова – на бой со мной он пытался вместо себя выставить другого человека. Лишь после прямого обвинения в трусости виконт всё же вызвал меня на честный бой, один на один. Каково же было моё изумление, когда перед самым началом поединка я узнал, что виконт задним числом, никого не уведомив, обманным путём изменил условия боя, выставив против меня сразу троих бойцов. Этот подлец всё рассчитал – у меня просто не оставалось времени, чтобы позвать секундантов. Хвала богам Эрафии! Они не простили моему противнику клятвопреступления и послали мне напарника! Только что в своей речи виконт Армазо опять оскорбил ложью всех – и богов, и правителя города, и вас, уважаемые зрители. Ложь, трусость и подлость – не те качества, которые украшают благородного человека, однако они свойственны моему сопернику. Поэтому я заявляю, что виконт Армазо не может называться благородным человеком. Он не дворянин! Согласно законам нашего города, простолудин, оскорбивший представителя закона, должен быть наказан тридцатью ударами палки. Клянусь, я поступлю в строгом соответствии с законами нашего города. И да начнётся бой!

Пожалуй, даже Серый Ворон не смог бы произнести более убедительные слова. Трибуны восторженно приветствовали мою речь. Меня подбадривали. Меня благословляли на бой. Со всех сторон слышались призывы наказать клятвопреступника.

Глашатай ещё раз призвал к тишине и объявил простые правила боя: ни одна из сторон не должна использовать дальнобойное оружие и магию, бой должен начаться по сигналу горна и немедленно прекратиться, если маршал-распорядитель боёв бросит свой жезл на арену. Прекратить бой он имеет право в случае, если возникла реальная угроза для жизни уже безоружного и поверженного бойца. Других условий окончания схватки не существовало.

Раздался пронзительный вой горна, и Серафим тут же бросился в сторону троих наших противников. Те явно получили сведения от подосланной к нам шпионки и ожидали подобной атаки – двое крайних мечников шагнули вперёд, прикрывая собой виконта. Сам же Сальвайл поспешно отбежал на пару шагов назад, оказавшись за широкими спинами своих секундантов. С трибун раздался пронзительный свист и обвинения в трусости, но виконт предпочёл оставаться на безопасном расстоянии. Однако мой напарник не стал лезть напролом – оставаясь вне пределов досягаемости огромных двуручников, он начал кружить вокруг вооружённой группы. Двое мечников всё время перегруппировывались, прикрывая виконта своими телами.

Что делал я всё это время? Не поверите – рубил топором длинный деревянный флагшток! Когда Серафим перед боем поведал мне свой план и мою роль в нём, я сначала решил, что это такая шутка. Но мой напарник был абсолютно серьёзен:

– Это единственный способ как-то зацепить наших соперников. – Мы вооружены лишь топориками и короткими деревянными дубинками. А у наших противников мечи по четыре локтя длиной. Они просто не дадут нам приблизиться, искромсают на расстоянии. Поэтому ты срубишь эту толстую палку и отдубасишь ею неповоротливых латников. Всё очень просто!

Просто-то просто, но древесина оказалась очень твёрдой. Мне потребовалось не менее пятнадцати ударов топором, чтобы эта орясина рухнула. Я отбросил топор, схватил бревно и... не смог его даже приподнять! Оно было тяжеленное, словно каменное. Неужели все планы рушатся только из-за того, что я не смогу поднять своё оружие?!

Я произнёс молитву богу Тору и попросил дать мне силы на этот бой. И бог силы и мужества пришёл мне на помощь! Я почувствовал, как мои плечи распрямляются, мышцы набухают и наливаются силой. Хотя и с трудом, но мне удалось поднять семиметровое бревно за один конец. Я медленно пошёл вперёд, начиная раскручивать своё страшное оружие. Мои пальцы соскальзывали, связки хрустели, каждый шаг давался с трудом, но я смог подойти к сражающимся гладиаторам. Серафим поспешно отпрыгнул в сторону, чтобы не попасть под удар. А вот противники не успели среагировать – первый страшный удар пришёлся по ногам мечников. Всех троих срезало, как траву косой. С грохотом вся троица нелепо рухнула на землю, посыпалось выпавшее из рук оружие, с

кого-то слетел металлический башмак.

Не останавливаясь, я продолжил раскручивать бревно. Второй удар пришёлся по начавшим подниматься двоим ближним бойцам. И если виконта лишь слегка приложило по макушке, то мечнику слева не повезло – страшный удар пришёлся точно по торсу, отчего моего противника отшвырнуло к стене. Он пролетел метра три и с громким лязгом врезался в каменную стену, после чего кучей металлолома сполз на белый песок. Так, этого можно было уже не опасаться.

Третий и последний удар я обрушил сверху вниз, впечатав в песок последнего из противников. В прошлый раз ему повезло – он вставал слишком медленно, и оружие пролетело над его головой. Но сейчас латнику досталось по полной – помятый шлем покатился по белому песку, доспех на плече прогнулся. Кажется, я сломал ему руку. На большее меня не хватило, силы меня оставили. Пальцы разжались, тяжеленное бревно рухнуло на арену, сам я опустился рядом на одно колено. Громко, чтобы слышали все зрители на трибунах, я проревел:

– Вина Сальвайла Армазо доказана! За оскорбление представителя власти по закону Холфорда приравненный к простолюдину Сальвайл приговаривается к тридцати ударам палкой. Серафим Длинный, привести приговор в исполнение!

Мой напарник подошёл к оглушенному и едва ли соображающему, что происходит вокруг, виконту. Поставил его вертикально и спустил кольчужные колготы и подштаники. После чего перегнул через своё колено, достал из-за пояса короткую дубинку и, чётко отсчитывая удары, принялся вершить справедливый суд.

Только после этого я нашёл в себе силы встать на ноги, поднял голову и посмотрел на трибуны. Зрители были в восторге, они стояли и аплодировали, встречая смехом каждый визг осуждённого. Какая-то небольшая группка богато разряженных людей (видимо, члены семьи Армазо) пыталась возмущаться и пробиваться к распорядителю, но другие зрители их не пускали. Я поприветствовал трибуны, в ответ раздался восторженный рёв, на песок посыпались монеты.

Виконт Сальвайл тем временем ревел и униженно просил о прощении. Но Серафим был неумолим и чётко довёл дело до конца. На счёт «тридцать» он встал и также поприветствовал трибуны, получив свою долю оваций. А виконт с

голыми красными ягодицами остался лежать на песке, рыдая во весь голос. Распорядитель встал и развёл руки, призывая трибуны к тишине. Зычным голосом он возвестил:

– Десятник Пётр Пузырь и его секундант Серафим Длинный объявляются победителями боя. Они убедительно доказали свое превосходство на Арене и тем самым подтвердили правоту в споре. В качестве награды победителям достанутся оружие и доспехи побеждённых. Виконту Сальвайлу Армазо необходимо завтра в полдень явиться во дворец правителя на суд Совета Рыцарства. Совет со всей тщательностью рассмотрит вопрос о несоответствии поведения виконта нормам дворянства.

В этот момент к распорядителю через толпу зрителей пробился богато одетый немолодой господин. Он о чём-то негромко попросил маршала, и тот согласился, призвал трибуны к тишине и произнёс:

– Слово предоставляется графу Силиусу Армазо.

Я внутренне напрягся, не зная, чего ожидать от отца поверженного мной противника. С трибун же поднялся возмущенный гул, раздались оскорбительные выкрики и свист, но граф стоически переждал их и начал свою речь:

– Благородные зрители! Все вы стали свидетелями того позора, что произошёл сейчас на арене. Не думал я, что доживу до того печального дня, когда представитель древнего и славного рода Армазо нарушит своё слово. Но исход поединка недвусмысленно подтвердил, что это случилось – мой старший сын Сальвайл нарушил данное им слово. Он повёл себя низко, замарав честь фамилии. Поэтому он не может более оставаться одним из рода Армазо. Слушайте внимательно и будьте свидетелями моих слов. С этой минуты я отрекаюсь от своего сына. Я, глава рода Армазо, своим решением и по праву наследования передаю замок Мокрый Луг и все прилегающие к нему земли, которыми ранее владел Сальвайл, моему второму сыну Риго Армазо. С этой минуты Риго – полноправный хозяин замка и прилегающих земель. Сегодня же вечером Сальвайл будет отправлен на службу в дальний граничный гарнизон. Пусть там, на границе с дикими орками, он своей храбростью и благородными поступками вернет себе честное имя. Я всё сказал.

На трибунах воцарилось молчание, нарушаемое лишь редкими всхлипываниями лежащего на песке Сальвайла. Маршал-распорядитель встал со своего кресла, о чём-то посоветовался с сидящими поблизости вельможами в богатых одеждах и громко объявил:

– Вы все слышали слова графа. В свете сказанного присутствовавшие на поединке чести члены Совета Рыцарства не видят больше необходимости собирать завтра Совет. Десятник Сальвайл Армазо переводится из второго дворянского полка в пограничный одиннадцатый полк «Василиски». Завтра на рассвете ему надлежит покинуть Холфорд. Подготовьте арену для следующего боя.

* * *

Далее состоялась формальная процедура выкупа доспехов – побитые секунданты виконта уплатили традиционный небольшой штраф и вернули себе оружие и доспехи. Вообще-то я мог и оставить оружие себе, но Серафим Длинный шепнул мне, что так не принято поступать: выкуп оружия побеждёнными – это древний ритуал, и отказаться от него – значило нажать себе врагов. С другой стороны, внесение выкупа аннулировало все имевшиеся претензии и прекращало вражду.

Потом мы с Серафимом получили свой выигрыш за победу в бою. Мой друг остался выискивать в толпе девушку, заходившую к нам перед поединком. Я же направился в тренировочный зал, чтобы переодеться. Но возле лестницы в подтрибунные помещения меня остановил седой высокий мужчина в расшитой золотом и серебром куртке, ярко-красных панталонах и таком же красном плаще. Вышитые на плаще гербы и венец на голове свидетельствовали, что передо мной титулованный дворянин, а массивная цепь на шее из золотых пластинок, тоже украшенных гербами, служила символом главы дворянского рода. Жаль, что я недостаточно разбирался в геральдике, чтобы определить его титул и опознать герб, но я почтительно поклонился.

– Я посылал за тобой гонца, Пётр Пузырь, но ты вчера ко мне так и не явился.

– Благородный герцог Кафиштен, – я наконец-то сообразил, кто стоит передо мной, – я не мог вчера покинуть свой пост. Боги свидетели, я всей душой хотел прийти на встречу, но получил приказ охранять на торговой площади эшафот,

где казнили осуждённых, а потом меня отправили арестовать опасного вора.

Суровый герцог улыбнулся.

– Похвальное рвение. Вижу, что не ошибся в своём мнении. Да и увиденное на арене лишь усилило мое первое впечатление. Я вижу волю богов в том, что в этом огромном городе мы всё же встретились. Поэтому моё предложение остаётся в силе – я хотел бы видеть тебя среди своих людей. Одному из моих детей нужен друг и помощник, который будет с ним в любой ситуации. Друг, который примет участие в детских играх, который отговорит ребёнка от безрассудных поступков. А в тех случаях, когда отговорить не удастся, всегда будет рядом, защитит и убережёт, пусть даже ценой своей жизни. У меня много верных людей, но они либо слабы, либо уже немолоды. Ты же способный воин и при этом достаточно юн, чтобы ребёнок принял тебя в свои детские игры. Оклад обещаю в пять раз больше, чем ты получал в городской страже. Каково твоё решение?

– Я с радостью принимаю ваше предложение, герцог! – горячо ответил я. – Сегодня же готов приступить к своим обязанностям. Но могу ли я просить вас об одном одолжении, благородный герцог?

– В чём состоит твоя просьба? – немного насторожился он.

– Мой друг, Серафим Длинный, вы его сейчас тоже видели в бою... не найдётся ли у вас и для него работы? Он отличный боец – опытный, сильный, бесстрашный, у него богатый жизненный опыт, он отличается проницательным умом и находчивостью. Способен обучать новичков, помогать советом...

– Ладно, я понял, – перебил меня герцог, – я найду место для опытного воина и наставника. Ты иди, собирай вещи и одевайся, потом вместе с твоим другом найдёте меня здесь. Я напишу пока письмо управляющему, чтоб вас приняли и объяснили обязанности.

Едва не бегом я помчался вниз по лестнице. Мне удалось сделать ещё один шаг на пути к рыцарству, да ещё какой! Скоро, очень скоро, я стану верным оруженосцем и другом одного из сыновей герцога. Нас будут ждать приключения и слава! Ликуя и едва замечая дорогу, я вбежал в зал и налетел на стоящего у самой двери Серафима. Но он, казалось, даже не заметил моего

появления и продолжал смотреть в одну точку прямо перед собой. Я глянул и оцепенел – посреди зала под самым потолком висел труп девушки. Голова безжизненно свесилась к плечу, чёрная верёвка, закрепленная на потолочном бруске, была затянута вокруг тонкой шеи. Я сразу узнал ее – именно она заходила к нам перед боем.

– Я тебе уже говорил, Пётр, что семья Армазо – это мерзавцы! – не оборачиваясь, со злобой в голосе прорычал Серафим. – Эта девочка не выполнила задание и была за это убита. Её специально именно тут повесили – в назидание нам: мол, берегитесь, с вами будет то же самое. Пётр, скоро тут наверняка появится стража и обвинит нас в убийстве, поэтому нужно поскорее забирать свои вещи и уходить. Можно выиграть один бой, но крайне трудно без поддержки бороться с могущественным дворянским родом. Армазо с детства учатся плести интриги и заговоры, бороться за власть и влияние. Они чувствуют себя в интригах как рыба в воде.

Пока мы одевались, Серафим сказал:

– Пётр, вопрос тебе на сообразительность. Почему старый граф прямо на арене отказался от своего сына?

– Чтобы отвести позор от всего рода? – предположил я.

– В какой-то мере да. Но ещё он быстро сообразил, что если Совет Рыцарства на суде лишит виконта титула, то все имения Сальвайла будут конфискованы. А после решения графа замок, рабы и слуги, пашни и леса остались у семьи, пусть и у другого сына.

Я был удивлён. Вот ведь расчётливый тип! Даже переживая за сына, он просчитывал выигрышные для семьи варианты. Даже не попытавшись защитить сына на суде Совета Рыцарства, он без колебаний отказался от ребёнка ради сохранения имущества.

Лишь по пути к выходу я вспомнил о предложении герцога Кафиштена.

– Кафиштен? – резко остановился Серафим. – Очень влиятельный член Совета Рыцарства, один из самых старых и верных друзей правителя Холфорда Вильгельма-Паладина. Слухи ходят, они вместе воевали в юности и не раз

спасали жизни друг другу. Пока жив нынешний правитель, род Кафиштенев будет в фаворе. Пожалуй, хороший вариант. Я согласен.

Вдвоём мы поднялись по лестнице на трибуну и, увидев герцога, подошли к нему и почтительно поклонились.

– Вот письмо, – герцог протянул мне опечатанный деревянный тубус. – Передашь это моему управляющему Липляру в замке Древний Брод. Он устроит вас и объяснит ваши обязанности. Дня за три, думаю, вы должны добраться до места. Как прибудете, сразу же приступайте к работе.

После этого герцог дал понять, что разговор окончен, подозвал слуг и вместе со своей свитой покинул Арену. Я стоял несколько ошарашенный – ведь я-то был уверен, что никуда за пределы Холфорда мне выезжать не придется. А как же Ленка? Ей нужно обязательно сообщить!

– Ты знаешь, как доехать до замка Древний Брод? – тихо спросил меня Серафим.

– Нет, – честно ответил я.

– И я не знаю, – признался мой товарищ. – Придётся спрашивать по дороге. Но сейчас это не главное. Нам теперь предстоит уволиться из городской стражи, а это, скажу тебе, очень долгая и муторная процедура. Если делать всё по правилам, наше с тобой увольнение может растянуться до весны.

– И что нам делать? – я был откровенно обескуражен подобной перспективой.

– Поступим так: ты вообще сегодня не показывайся в части, иначе сержант и капитан обязательно найдут повод для придинок и задержек. Скажут, нет десятника для замены, или не сданы казённые столовые приборы. Таких отмазок может быть сколько угодно. Поэтому погуляй пока по городу, поспрашивай насчёт дороги до замка. А завтра на рассвете приходи в часть. Мне капитан кое-что должен за старую услугу, настало время напомнить ему про должок. Встретимся завтра с утра в казарме.

* * *

Первым делом я поспешил рассказать Фее о последних событиях и сообщить о своём отъезде, благо идти от Арены до Академии Магии было совсем недалеко. Дежурные при входе наотрез отказались пропускать меня внутрь. Не согласились они и позвать мою подругу.

Что делать? Я пошёл вдоль забора огромного здания Академии и остановился напротив угловой башни, в которой жила Фея. После чего стал громко звать Ленку и просить открыть окно. Долго никакой реакции не было. Затем стали открываться другие окна, adeпты разных курсов громко и нецензурно посылали меня подальше. Я тоже не остался в долгу и заметно обогатил их лексикон выражениями, услышанными за время службы в городской страже. После одного моего особенно сочного и витиеватого оборота наступило затишье (видимо, студенты спешно конспектировали понравившееся выражение, чтоб не забыть), а потом какой-то парень сообщил, что девчонок-первокурсниц переселили в другой корпус из-за ремонта, и что за Феей уже кто-то пошёл.

Ленка, действительно, вскоре появилась – маленькая, хрупкая, уставшая и с опухшими глазами. Удивительно беззащитная, но в то же время прекрасная, несмотря на усталость.

– Что случилось, Пузырь? – с тревогой в голосе поинтересовалась она. – Ты меня прямо с практических занятий по плетению заклинаний выдернул, я даже не успела закончить работу. Маг-профессор был очень недоволен.

– Ленка, я завтра покидаю Холфорд, пришёл предупредить тебя.

Фея задумчиво наморщила лоб.

– Городская стража уходит из города? Да ещё во время осенней ярмарки! Неужели началась война? Или... сбылась твоя мечта?

– Да! Ленка, меня нанял герцог Кафиштен! Я стану помощником его сына, оруженосцем и другом. И завтра должен отправиться в замок Древний Брод, это где-то в трёх днях пути от Холфорда, пока не знаю где точно.

Ленка заулыбалась и поцеловала меня в щёку.

– Очень хорошая новость, Петька. Жалко только, что мы долго не увидимся. Но то, что ты продвинулся ещё на шаг к своей мечте, просто замечательно!

– Фея, я хотел тебе сообщить, с Серым что-то случилось. Я нашёл его арбалет на месте боя. Там было много убитых людей... и нелюдей, много крови. Что с Сергеем, я не знаю.

– Он ранен, мне уже сообщили, – сразу посерьёзнела Ленка.

– Кто?! – очень удивился я.

Ленка опять наморщила лицо, как будто вспоминая что-то мерзкое и неприятное.

– Вчера вечером приходила его новая... подружка, – после секундной паузы Фея всё же употребила цензурное слово, хотя по выражению ее лица и интонации я ожидал услышать какой-то неприличный эпитет. – Вообще-то дежурные вовсе не обязаны звать учеников к воротам, но её почему-то послушали. Когда я вышла, эта нахалка заявила, что сама бы ни за что не пришла, но её хозяин Серый Ворон просил кое-что мне передать. Не, ну какова наглость, ты представь!

Ленка поправила упавшую на лицо прядь волос и уже более спокойным тоном продолжила:

– Эта... помесь человека с демоном сообщила, что на них напали ассасины, и Сергей ранен. Он потерял много крови, но угрозы для жизни нет – ему оказали помощь жрецы в храме Латандера. Я, конечно, разволновалась и захотела увидеть Сергея, но эта мелкая стерва наотрез отказалась отвести меня к нему. Я стала настаивать, но она возразила, что это опасно – враги, мол, слишком коварны и могут следить за друзьями Серого Ворона. Чушь полная! Если бы они следили за мной, то спокойно увязались бы и за этой хвостатой дрянью!

Я рискнул осторожно возразить своей подруге:

– Не совсем так.

Но Фея возмутилась:

– Ты её защищаешь?! Подумай сам, какая разница – за одним человеком идти или за двумя?

– Учитывай, что Каришка – ученица Школы Воров. Она в потемках чувствует себя, как рыба в воде. Может идти бесшумно и исчезнуть на ровном месте, так что её вообще не будет видно в темноте. Это я тебе точно говорю – я не смог её заметить с двух шагов. Так что проследить за Каришкой намного труднее, чем за тобой. К тому же воры часто передвигаются по крышам домов и по подземным канализационным туннелям. Ну и, наконец, Сергей мог вернуться в Школу Воров, а чужих туда не пускают.

– Наверное, ты прав, – согласилась моя подруга, устав спорить. – Но всё равно, эта наглая обезьяна могла бы разговаривать не так дерзко. В общем, я вчера не сдержалась и попыталась наложить на зарвавшуюся воровку заклинание подчинения разума. Думала, она расскажет мне, где находится Сергей. Но заклинание сорвалось, а эта маленькая дрянь испугалась и убежала от меня.

Я примирительно улыбнулся и обнял рукой подругу.

– Подозреваю, что это именно Сергей ради своей и твоей безопасности приказал Каришке не сообщать, где он находится. Нарушить приказ хозяина тайфлинг не может, иначе – неминуемая смерть.

– Ты меня пугаешь, – сказала задумчиво Ленка. – Вчера я долго злилась, что заклинание подчинения сорвалось. Но ведь получается, что я вполне могла её убить, если бы заклинание удалось. Не смотри на меня так, Петька. Я вовсе не злобный монстр и не желаю ей смерти. Каришка помогает нашему другу, и это хорошо. Да и то, что я не смогла подчинить её разум, говорит о ее развитии интеллекте. Она умная и очень красивая. Ведь так?

– Да, пожалуй, она красивая, – признал я. – Но всё равно лучше тебя, Фея, нет никого ни в этом мире, ни у нас дома.

– Если бы ты знал, как мне это нужно периодически слышать! Только ты у меня и остался из близких друзей, пока Сергей скрывается где-то от убийц. Ты уедешь, и даже поговорить не с кем будет...

Я крепче обнял Ленку за талию, и мы вместе прошли до конца аллеи. Я рассказал о бое на Арене, Ленка восхищённо слушала и плотнее прижималась ко мне.

– Когда ты уезжаешь? – спросила она.

– Завтра утром. Не знаю ещё дорогу, но вдвоём с моим напарником Серафимом мы не заблудимся. Ленка, у меня ведь арбалет Серого остался. Может, лучше тебе его передать на хранение? А когда Сергей объявится у тебя, отдашь ему оружие.

Подруга задумалась и отказалась:

– Арбалет слишком ценная вещь, а мы с девчонками вообще живём сейчас на птичьих правах в чужих комнатах с учениками старших курсов, пока ремонт не закончат.

Ленка досадливо пнула подвернувшийся камешек, словно он был в чём-то виноват, потом пустилась в объяснения.

– В жилой башне трубу с горячей водой прорвало, в комнатах на нижних этажах кипятка было по колено. Говорят, какое-то наложенное десятилетия назад бытовое заклинание истощилось. Новый завхоз был назначен лишь несколько дней назад вместо прежнего, который погиб в сражении с культистами на рыночной площади. Он не знал о заклинании и вовремя не возобновил его. Теперь ждём, пока магистры все заклинания восстановят, а там их целый спектр: магия огня для нагрева воды, магия водной стихии для подачи кипятка по каменным трубам, куча граничных заклятий для ограничения напора и контроля температуры...

– Не проще ли котельную обычную на дровах или угле сделать? – рассмеялся я.

Но Ленка моего веселья не разделяла, оставаясь очень серьёзной.

– Не проще. И вообще, хочу заметить, насосов в Эрафии пока что не изобрели. Да и водонапорных башен тоже. Может, они и есть где-нибудь у механиков дварфов в подземельях, но у людей таких технологий нет. Кроме Академии

Магии только во дворце правителя есть проточная горячая вода, там тоже на магии всё устроено.

– Понятно, только вот арбалет тут причём? Думаешь, его украсть могут?

Фея резко остановилась, закрыла глаза и потёрла пальцами виски, словно отгоняя внезапно проявившуюся головную боль. Потом пожала плечами неуверенно.

– Вот так взять и украсть вряд ли, хотя ученики разные встречаются, за всех сказать не могу. Но устроить какую-то глупую шутку – это обязательно. Спрячут его, чтоб хозяин потом месяц искал, или наложат заклинание постоянного промаха. Ты помнишь шкуру варга, что Серый мне подарил?

– Конечно, помню. Я, кстати, голову варга давно выкинул – она испортилась и вонять мерзко начала.

– Так вот, что только с этой шкурой не вытворяли соседи со старших курсов! И спрятали её магией, я два дня искала потом, пока заклинание рассеивания чар не догадалась в библиотеке найти и выучить. Оказалось, что шкура просто в моей комнате на стене висела на самом заметном месте. И заговорили шкуру – она стала иногда шевелиться и реветь страшным голосом. А потом один шутник, когда мы с девочками днём на занятиях были, сделал так, чтобы шкура бросалась на входящего в комнату и обнимала когтистыми лапами. Я вошла вечером и чуть со страха не умерла!

Я, представив себе такую картину, весело рассмеялся и уточнил:

– А разве двери у вас не запираются?

– Запираются. Но, Пузырь, если я уже на первом курсе могу открыть простой засов волшебной палочкой, то представь возможности старшекурсников! Их обычные двери и стены не останавливают: если не откроют замок магией, так телепортируются сквозь стену! Более опытные парни и девочки столько придумывают разных хитростей, чтоб подшутить над первокурсниками, ты даже не представляешь! Оживающие предметы, голоса из стен, призраки и фантомы, самозавязывающиеся в узел рукава на нашей форме... Я уже столько насмотрелась этих магических шуточек за свою недолгую учёбу, что удивить

меня трудно. Мою соседку Кару они так достали своими приколами, что она однажды настоящую огненную ловушку поставила на входе в ванную, когда мыться пошла, – теперь один парень с третьего курса лысым ходит, пока волосы заново не отрастут. А мы со Свелиной вообще изловили адепта девятого, ты только представь, курса! Это же почти квалифицированный волшебник, без пяти минут магистр какой-то ступени. А туда же, полез устраивать нам в комнате какие-то хулиганские фокусы.

– И как же вы изловили этого девятикурсника? – удивился я.

– Проще некуда. Мы после предыдущих фокусов с прыгающими по комнате жутко хохочущими тапочками и растущими прямо на каменных стенах грибами неприличной формы поставили ведро с водой сверху на дверь. Конечно, ловушка не ахти, но мы и ждали кого-нибудь попроще. А этот осторожный был – в сфере невидимости и с заклинанием неслышного шага двигался. Но приоткрыл дверь и получил ведром по голове! Мы сидели в комнате, готовили уроки, вдруг слышим грохот. Оборачиваемся – туча брызг, и мужик падает на пол, постепенно проявляясь из невидимости.

Так что даже в собственной спальне или закрытой ванной комнате нельзя быть уверенной, что рядом никого нет. Поэтому для сохранности арбалета его лучше не оставлять в Академии Магии. Возьми его с собой в дорогу!

* * *

Мы до вечера гуляли по паркам внутреннего города. Ленка говорила, что ей влетит за пропущенные занятия, но всё равно ни в какую не хотела отпускать меня. Мы договорились, что я при первой же возможности буду возвращаться в Холфорд и видеться с ней. На прощание у ворот Фея поцеловала меня и пожелала удачной дороги.

Возвращаться в казарму я не стал. Вместо этого пошёл в дом на окраине, который штурмовал вчера вечером вместе с ребятами и где заночевал. Хозяйка меня сразу узнала и очень обрадовалась. Я сказал ей, что беспокоился за неё и решил проверить, всё ли нормально, и не возвращались ли ассасины. Заодно предложил посторожить её дом до утра. Старушка обрадовалась и угостила меня вкусным ужином, а затем постелила диван в комнате на втором этаже. Вообще, это оказалась очень добрая и отзывчивая женщина, только очень уж

болтливая. Она без умолку о чем-то рассказывала – про свою молодость, про соседей, про жильцов, про недавние события на рынке... Я в свою очередь во всех красках расписал ей сегодняшний бой на Арене. Старушка жадно ловила каждое моё слово. Можно было не сомневаться, что завтра она перескажет всё в подробностях соседям, и не один раз. Я на всякий случай поинтересовался, слышала ли она про замок Древний Брод, но это название она слышала впервые.

Спал я беспокойно, даже несколько раз среди ночи просыпался с мыслью, что пора вставать и торопиться в дорогу. С самыми первыми проблесками рассвета я оделся и ещё до утренней побудки вошёл на территорию полка. Серафим уже давно не спал. Он успел позавтракать и собрать наши с ним вещи в дорогу. Я поинтересовался, как обстоят дела с нашим увольнением, и Серафим постарался успокоить меня:

– В целом, справился. Но оклад за последние дни нам не дадут. И, надеюсь, ты не успел привязаться к своему коню? Его держали в стойлах полка, кормили казённым овсом, за ним ухаживали конюхи. Как оказалось, он теперь числится за четвёртым полком, и забрать его никак не получится. В полку тоже не глупые люди – понимают, что мы очень спешим и не можем тратить время на всю эту бюрократию. Мне прямо намекнули: хотите по-быстрому оформить увольнение – оставляйте скакуна.

– Это подарок друга! – возмутился я. – Я готов заплатить за его содержание, но это мой конь!

В душе я понимал правоту доводов Серафима, но обида душила меня, и поэтому я готов был идти на принцип и спорить, доказывать, скандалить.

– Есть ещё вариант, – предложил Серафим, не сумев убедить меня. – Ты можешь оставить вместо коня арбалет. Сержант, да и сам капитан, откровенно восхищались этим оружием.

– Арбалет лучшего друга? Ни за что! Я лучше оставлю коня, – сразу решил я. – Коня я ещё себе найду, а вот такой арбалет – единственный во всей Эрафии.

– В таком случае сдаём на склад казённое обмундирование и пойдём прощаться с ребятами, – предложил мне напарник.

Проводить нас собралась целая знакомых. Нас хлопали по плечам, желали успехов на новом месте, давали какие-то советы. Даже вечно хмурый и недовольный капитан вышел в такую рань на плац и обнял меня:

– Прости уж меня, старика, если чем обидел. Давно в полку не было настолько способного новичка, как Пётр Пузырь, – смелого, сильного, честного. Сынок, я и строг был к тебе, потому что ты был лучшим. Вот и сейчас мне грустно, что полк теряет способного десятника, и одновременно я радуюсь за тебя. Как ни крути, слуги герцогов живут лучше, чем мы – обычная городская милиция. Но не забывай свою первую армейскую школу и, как бы твоя жизнь ни сложилась, всегда держи тот высокий уровень, который ты здесь показывал.

Прощание вышло трогательным и тёплым. Я отдельно пожелал успехов Сухому – этот миниатюрный юноша был назначен десятником вместо меня и должен был набирать заново людей в свой десяток. С первыми лучами солнца мы с Серафимом вышли из ворот казармы и направились к Северным воротам города.

От одного из приезжих торговцев мы узнали дорогу к замку Древний Брод. Оказалось, что это старое гнездо дворянского рода Кафиштенев – даже не замок, а скорее небольшая крепость на берегу одного из притоков Стреминки, почти на самой границе с территорией остроухих эльфов. Добраться до замка Древний Брод можно по северному тракту – идти пару дней прямо, а потом у деревни Комарьё свернуть направо, следуя указателю. На проселочной дороге ориентиром будут служить старые развалины эльфийского города, миновав которые, ещё через полдня мы доберемся до нужного замка.

Пройдя сквозь Северные ворота, мы ступили на широкий мощёный тракт, уходящий вдаль, насколько хватало глаз. Серафим огляделся, окликнул паренька на проезжающей мимо телеге и попросил подвезти. В повозке лежал босоногий, несмотря на холод, грузный бородатый мужик в заношенной и многократно залатанной рубахе почти до колен и грязных протёртых штанах. Он был изрядно пьян и спал на слое сена. Лошадкой правил его сын – длинноволосый паренёк примерно моего возраста, в несуразных, закатанных штанах и рваной кожаной куртке на голое тело, с громадным фингалом под левым глазом. Царственным жестом парень указал нам на место у себя за спиной, чем мы сразу же и воспользовались. Оказалось, что нам по пути, так что до самого вечера можно было с комфортом ехать. Я сразу же улёгся на слой свежего сена и блаженно закрыл глаза. Осеннее яркое солнце напоминало всему живому, что до зимы ещё далеко. В пронзительно синем небе несколько клиньев

журавлей обучались слётанности перед длительным путешествием в тёплые края. Телега убаюкивающе подрагивала на камнях и выбоинах дороги. Я и не заметил, как задремал.

Проснулся я уже в сумерках. Мы двигались по узкой просеке в густом лесу. Серафим и травил селянам одну из своих баек, которых он знал в огромном количестве и способен был рассказывать бесконечно. Солнце уже село за горизонт, а мы, похоже, собирались заночевать прямо в лесу.

– А, проснулся, – добродушно рассмеялся Серафим. – Ну, ты и мастак, проспять весь день! Значит, ночью дежурить первым будешь. Когда остановка?

– Сейчас удобный съезд с дороги в лес найдём, и нужно будет костер развести и поужинать, – ответил ему паренёк.

Мы переехали через неглубокий ручей и свернули в сторону заметной с дороги полянки. Парень слез с облучка, пару раз присел, разгоняя кровь по затёкшим ногам, подвернул волочащиеся по земле брючины и начал распрягать лошадь. Его отец, на ходу спуская штаны, побежал в кусты по нужде.

– Ты собери хворост и разведи костёр пока, – обратился Серафим к парню. – А мы с Петром нормальных дров нарубим.

Я спрыгнул с телеги и тоже пару раз присел, разминая ноги.

– Возьми арбалет и палатку, – сказал мне Серафим. – А то, кто этих селян знает? Может, сопрут наши вещи и уедут без нас. Потом ищи их по всем деревням.

Находящийся в паре шагов от него парень, конечно же, прекрасно слышал эти слова. Но обижаться не стал, лишь презрительно хмыкнул. Серафим тоже прихватил свою сумку и, взяв топорик в руку, направился глубже в лес. Хотя я и посчитал опасения друга напрасными, но спорить не стал и, забрав свои вещи, пошёл за ним.

Мы углубились в лес метров на сто, как вдруг мой товарищ резко сменил направление и значительно ускорил шаг. Я едва успевал идти за ним.

– Отдохнул? Выспался? – спросил он меня внезапно.

– Да вроде, – ответил я, не понимая, к чему он клонит.

– Хорошо, что отдохнул. Нам сейчас нужно бежать изо всех своих сил. Бежать быстро и долго, если хотим остаться в живых.

– Бежать? Почему? – удивился я.

Но мой друг не стал отвечать, он уже ломанулся в лесную чащу. Я поправил поудобнее рулон палатки, закинул вещмешок на спину и помчался догонять. Куда мы бежим? От кого? Я старался не думать об этом. Серафим был гораздо опытнее меня и всегда поступал разумно. И сейчас, похоже, тоже не шутил. Он мчался изо всех сил, мне пришлось поднажать, чтобы не отставать.

Эх, спасибо надо будет сказать при случае школьному учителю физкультуры! Да и потом в полку на тренировках нас заставляли бегать с полной нагрузкой. Так что сейчас я держался молодцом – давно наступила темнота, а я всё не сбавлял темп и не останавливался ни на секунду. Пот стекал струями по шее и спине, ветки хлестали меня по лицу, а я всё бежал, не теряя спину Серафима из вида. Хотя, как ни пытался, не мог его догнать. Нас отделяло всё то же расстояние примерно десять-пятнадцать метров.

Перед нами возникла огромная поляна, или скорее заросшее болото. Но мой друг не стал обходить топь и по грязи напрямик направился через поляну туда, где опять начиналась стена тёмного леса. На этом топком лугу я наконец-то смог его догнать. Серафим лишь мимолётом взглянул на меня и продолжил упорно месить грязь, продвигаясь всё дальше вперёд. Мой друг явно выбился из сил – потный, покрасневшийся, он едва волочил ноги от усталости, но с прежним упорством бежал вперёд.

– От кого мы убегаем? – едва смог выдохнуть я свой вопрос.

– Не сейчас... до той опушки дойдём... там всё объясню, – таким же прерывистым голосом ответил мне друг.

Я собрался с силами и последние метров двести пробежал по открытой местности единым рывком. После чего без сил рухнул на слой пахучей хвои. Через секунду рядом со мной упал Серафим. Мы долго не могли отдышаться, не то что начать разговор. В конце концов, Серафим сел на хвою, оглядываясь на болото. На залитой светом двух лун Эрафии серебристой траве чётко отпечатались цепочки наших грязных следов.

– Что ты знаешь о смертельных обманщиках? – спросил меня наконец Серафим.

– О ком? – не понял я.

– Вот деревенщина! Смертельные обманщики, люди-маски, метаморфы...

– Метаморфы... – кажется, Фея когда-то рассказывала о чём-то подобном. – Это какие-то монстры, обитавшие в Эрафии? Кажется, они принимали облик съеденных ими людей.

– Обитавшие... Ну да, я тоже давно про них не слышал. Как маги ловушки против них поставили вокруг городов, так метаморфы почти что вымерли. Наверное, молодёжь уже считает их чем-то вроде страшилок из детских сказок. А вот во времена моего детства это был реальный ужас. Если вдруг обнаруживали обглоданное тело жертвы смертельного обманщика, то бежали прочь со всех ног. Ужас был вполне объясним, так как одной жертвой чудовище никогда не ограничивалось. Смертельному обманщику нужно питаться каждый день, и при всём богатстве выбора – птица, скотина ли деревенская, лесная дичь – он всегда выбирает людей. И скотину сожрёт, конечно, если другой добычи не осталось, но пока рядом живут люди, хищник будет охотиться именно на них. Хитрые, коварные, принимающие любой облик. И не убиваемые честной сталью – только магией или магическим оружием.

– Ты заметил в лесу смертельного обманщика? – спросил я, начиная всерьёз пугаться.

– Заметил. Только не в лесу, а намного раньше. Ты спал, когда телега проезжала через лесное кольцо вокруг Холфорда. А наши селяне босоногие, думая, что и я задремал, достали из-под сена тонкие деревянные обручи и надели себе на головы. А потом сняли, когда мы лес проехали. А я не дремал, только делал вид. Но наблюдать за ними стал внимательнее и заметил несколько странностей. Они

весь день ничего не ели. И в телеге не было даже намёка на еду. Странно – они в дорогу даже сухарика с собой не взяли? И они весь день между собой не разговаривали – странно ведь, правда?

– И всего-то? – удивился я. – Как-то маловато доказательств. У меня, между прочим, тоже голова болела, когда я в первый раз проехал через лесное кольцо вокруг Холфорда. Хорошо, что я задремал в этот раз, а то опять бы по мозгам долбануло заклинанием. И если кто-то часто ездит, может, и придумал способ, как отвести это мерзкое заклинание, которое в мозгах роется. Серафим покачал головой:

– Неубедительно как-то. А насчёт остального?

– Ещё проще. Отец заработанные на ярмарке деньги пропил, всё до последнего медяка. И на еду денег у них не осталось. А сына побил за то, что тот не отдавал монеты. Вот они и не разговаривают между собой.

– Всё у тебя просто как-то получается, Пётр. Как будто я на ровном месте испугался! А я ведь весь день чувствовал их голодные взгляды на себе. Понимал, почему им не нужны котомки с едой – мы их еда. Знал, что они нас могут убить в любой момент, и даже понимал, почему не убивают. Они осторожные, не хотели на дороге нападать, где их могли увидеть. Понимали, что мы никуда от них не денемся и намного надёжнее завезти нас в лес и там тихо прикончить. Хотя уверен, если бы они догадались, что мы их раскусили, то прикончили бы нас в момент. У нас ведь даже не было шансов отбиться от них – ни магического оружия, ни знания магии. Ни-че-го! Но не знаю, как убедить тебя в своей правоте!

Я подтянул усталые ноги и присел, положив сумку под голову.

– Не надо ни в чем убеждать, Серафим. Я тебе просто верю. Как ты думаешь, мы от них оторвались?

– Надеюсь. Они ведь не должны были сразу понять, что мы сбежали. Подождали какое-то время, пока мы с дровами вернёмся. А когда догадались, мы уже были далеко. Хотя метаморфы очень упорные, хитрые и коварные. В детстве я слышал, что стая метаморфов может много дней преследовать добычу, подкарауливать у выхода из защищенных магией мест, выманивать хитростью.

Причём бывало, что других людей они даже не трогали, пока не разберутся с выбранной ранее жертвой. К тому же эти двое голодные. Они обязательно пойдут по нашему следу. Так что отдохнём чуток, и опять побежим куда подальше.

– Может, уже не бежать, а просто идти? – поинтересовался я, массируя пальцами гудящие от усталости мышцы ног.

– Нет. Бежать. И прямо сейчас, – изменившимся тоном произнёс Серафим, глядя куда-то вдаль. – Не вставай резко и не выходи из-за кустов! Они нас почти догнали.

Я в ужасе оглянулся назад. И сначала ничего не заметил. А потом обнаружил преследователя – на фоне большого лунного диска над лесом описывала круги странная птица – не то гигантский орёл, не то ящер. Присмотревшись к ней, я понял, что это не ящер. Это был тот самый паренёк-селянин, только вместо рук у него выросли огромные перепончатые крылья.

– Он сейчас долетит до болота и увидит наши следы. Бежим! – бросился глубже в лес Серафим.

* * *

Это была кошмарная бесконечная ночь. Мы мчались в темноте по лесу, спотыкались о коряги, падали, снова вставали и бежали вперёд. Временами, когда сил уже совсем не оставалось, мы отдыхали несколько минут, потом вставали и продолжали движение.

– Хоть бы дождь пошёл! – молил Серафим богов Эрафии. – Дождь смоем следы, и мы сможем уйти от преследователей.

Но дождём и не пахло. Сквозь прорехи в кронах изредка виднелось звёздное небо без единой тучки. Рек и ручьёв также не встречалось. Наоборот, местность постепенно повышалась, болотистые участки остались позади, стал встречаться высокий папоротник.

Я вновь и вновь прокручивал в голове варианты действий. Боевая магия отпадает – я не маг, Серафим тоже. Магического оружия у нас нет. Точнее, у меня в сумке имеется арбалет Серого, он вроде магический. Но к нему, как на зло, нет ни единого болта. Огонь? В сыром лесу в одно мгновение развести костер не получится. Хотя отбрасывать такой вариант не стоило – если найти много сухого валежника, то можно попробовать. Но пока оставалось только бежать и бежать вперёд.

Силы иссякали, мы перешли на быстрый шаг. Лицо саднило от глубоких царапин и попавшего на кожу сока растений. Злобные осенние комары устроили настоящий пир, и отмахиваться от них не было уже ни сил, ни желания. Наступило какое-то отупение – я не чувствовал боли от ушибов, не чувствовал ног и рук, просто двигался и двигался вперёд. Сколько мы сможем ещё пройти, пока не рухнем окончательно? Об этом не хотелось даже думать. Как мы поймём, что опасность миновала? Может, преследователи уже давно отстали, а мы будем бежать, идти и ползти, пока сами себя не загоним окончательно? А может даже, нам только примерещилась опасность?

Слева, в отдалении, в однообразной гуще леса появился какой-то просвет. Мы повернули в ту сторону. И едва не покалечились или даже погибли, в последний момент остановившись на краю высокого обрыва. Справа и слева был такой же крутой обсыпавшийся склон. А под нами...

Бывает лес, даже очень густой и тёмный, страшный и обширный. А бывает Вечный Лес. Именно так, с большой буквы. То, что перед нами именно Вечный Лес, я понял сразу. Внизу, под нашими ногами, простиралось бесконечное чёрное море колоссальных по высоте деревьев. Вечный Лес меня страшил – своей бескрайностью и неисследованностью. По нему, говорят, можно бродить сотни дней, не встретив ни одного разумного существа, вокруг будут лишь миллиарды деревьев и самые жуткие монстры из ночных кошмаров. Заблудиться там проще простого, а потом лишь вопрос времени, когда тобой закусит какая-нибудь лесная тварь. Нет, не хочу я туда идти. Лучше попытаться вернуться обратно к дороге...

Сверху раздалось хлопанье огромных крыльев, и донёсся глумливый голос:

– Куда это вы так спешите? Мы ведь ещё не поужинали!

Я обернулся – на огромной высоте над деревьями парил парень. Он взмахивал своими огромными, как у летучей мыши, крыльями, а его глаза светились в темноте. Монстр издал пронзительный свист, от которого заложило уши, и через несколько секунд из глубины леса прозвучал такой же мерзкий звук ответа. Они нас выследили! Нужно бежать в Вечный Лес! Я обернулся к Серафиму, но того уже рядом не было – с криком мой спутник спрыгнул с обрыва и побежал по круто уходящему вниз склону. Через секунду я последовал за ним.

Прыжок в темноту, ушедшее в пятки сердце, мгновение полёта и удар по ногам. Я помчался вниз. Главное, не упасть! Как я ни противился силе тяготения, моя скорость только возрастала. Если не смогу затормозить, то споткнусь и расшибусь насмерть!

Не смог затормозить. Споткнулся. Покатился вниз. Бесконечные кувырки и новые синяки по телу. Моё падение с горы прервалось в вонючих мокрых кустах. Просто чудом я не разбился. Я не мог поверить, что остался жив. Руки? Ноги? Целы! В голове стоял звон и стрекотание, я попытался привстать, но тут же рухнул – ноги заплетались, а рюкзак зацепился за ветки.

– Пузырь, ты где? – раздался приглушённый голос из-за кустов. – Ты цел там?

– Кажется, цел, – неуверенно ответил я. – Запутался в ветках. – Сейчас помогу. Ух, и я тоже застрял. Влип в какую-то гадость. Паутина, кажется. Сейчас отцеплюсь, а ты пока заберись поглубже в кусты, чтоб тебя с воздуха не заметили.

Я наклонился подобрать лежащий на земле рулон палатки и... резко остановился. По брезенту полз красный паучок размером с ноготь, с чёрными продольными точками на спине. Ещё парочка таких же насекомых бежала по веткам куста на уровне моего лица. Я мгновенно вспомнил, где уже видел раньше таких пауков: в огромной паутине, когда мы с обозом шли в Холфорд. Только тут я с ужасом сообразил, что стрекотание, которое я слышу, это вовсе не звон в ушах после падения. Это звуки передвижения тысяч и тысяч пауков где-то совсем рядом в огромной паутине. Паутине?! Серафим сказал, что запутался в паутине!

– Серафим, ни в коем случае не шевелись! – прокричал я, уже не прячась. – Сейчас я помогу тебе освободиться из паутины. Я выхватил нож, скинул лезвием

ползущее у меня по плечу мерзкое насекомое и стал пробиваться к другу через кусты. Только бы успеть! Нога зацепилась за что-то в темноте. Неужели я тоже влип? Ни секунды не колеблясь, я произнес заклинание света. Белый и такой успокаивающий шарик яркого света поплыл у меня над головой. Вокруг сразу посветлело. Так и есть, к брючине прилипла белая нить толщиной миллиметра в два. Нож в момент ликвидировал эту помеху.

Я шел, раздвигая ветки, по пути перерезав ещё с десятков белых нитей. Серафим послушно стоял без движения. Его нога плотно прилипла к большой паутине. А по телу деловито сновали уже десятка полтора красных паучков, выпуская новые нити и обматывая ими моего друга. А вокруг... Все кусты были увешаны белыми сетками, в которых сновали мириады восьминогих тварей. Я перерезал преграждавшую дорогу паутину и подошёл к Серафиму. Первым делом стряхнул с него ядовитых насекомых, раздавив их сапогом. И принялся срезать опутывающие друга нити. После того, как я сумел освободить его правую руку, прилипшую к телу, Серафим выхватил нож и принялся срезать сковывающую его паутину.

– Ах, вот вы где, неблагодарные! – раздалось сверху.

Паутина резко дёрнулась – это метаморф на большой скорости влип в сеть над нашими головами. До него было всего метра два, я отчётливо разглядел оскаленную полную загнутых зубов пасть. Как по команде, тысячи паучков устремились к источнику колебания паутины. Мы стали свидетелями удивительного зрелища – с первой же секунды метаморф сообразил, во что вляпался, испуганно заголосил и стал быстро меняться. Видимо, опасность громадной паутины метаморфу была хорошо известна, и тактика борьбы с бесчисленными насекомыми у этих хищников была отработана. На моих глазах одежда парня вросла в тело, страшная голова втянулась, за ней втянулись ноги и огромные крылья, насколько это позволила облепившая паутина. Деревянный обруч выпал из исчезнувшей одежды метаморфа и покатился по земле, остановившись рядом со мной.

Я подобрал этот странный деревянный круг и опять взглянул вверх. Над головой в паутине застыл мерзкий монстр, чем-то напоминающий морского ежа. Шарообразное, покрытое толстой бронёй тело, из которого во все стороны торчали сотни подвижных гибких отростков. Каждый из отростков жил своей жизнью – извивался, ловил и тут же пожирал стекающих со всех сторон паучков. Кажется, метаморф побеждал, он без видимых усилий справлялся с

прибегающими к нему насекомыми и запросто успевал поглощать их. Кроме того, из тела монстра показалось несколько заострённых лапок-резаков, которыми он принялся срезать паутину вокруг себя. Через минуту он освободится и рухнет прямо нам на головы.

– Пётр, не зевай, срезай скорее паутину, и бежим отсюда! – крик Серафима привёл меня в чувство.

Я с удвоенной энергией принялся за дело, и Серафим смог вытащить ногу из липкой ловушки. Мы подхватили свои вещи и, осторожно перешагивая через белые плети, стали пробираться к кустам. Над моей головой раздался визг боли – метаморф откинул один из зубастых отростков. К отпавшему от основного тела извивающемуся в конвульсиях гибкому отростку прицепилось несколько мелких насекомых. Через пару секунд визг повторился, и ещё один отросток отпал, оставшись висеть в паутине.

– Пауки впрыскивают яд в тело жертвы, и метаморф откидывает укушенные конечности, чтоб яд не попал в тело! – вслух поразился я.

– Похоже на то, – согласился Серафим. – Но метаморф всё равно победит. Смотри, он тут же отращивает новые конечности взамен утерянных.

– Я думаю, победят насекомые, – не согласился я. – Ведь эти мелкие паучки – не главное оружие этой колонии. Вскоре подойдут пауки покрупнее.

Как бы в подтверждение моих слов из темноты примчались сразу два крупных паука размером с футбольный мяч. Их появление резко изменило соотношение сил – метаморф не мог прокусить хитиновую броню крупных пауков, они же раз за разом впивались челюстями в мягкие конечности жертвы. Визг метаморфа звучал уже непрерывно, откинутые отростки один за другим сыпались на землю или же повисали в паутине. Монстр изо всех сил боролся за свою жизнь – он отращивал всё новые и новые хищные конечности, а также увеличил число бритв, которыми разрезал паутину, но не успевал освобождаться. Уже и по телу метаморфа стали ползать десятки мелких паучков, наматывая всё новые и новые нити. К тому же паучий яд, кажется, всё же просачивался – движения метаморфа становились всё медленнее и медленнее.

Я не стал досматривать окончание этой неравной битвы и вслед за Серафимом обошел паутину и углубился в Вечный Лес. Ещё долго позади был слышен слабеющий визг метаморфа, но вскоре и он затих. Мы удалялись всё дальше от опасного места, и я очень надеялся, что второй метаморф не станет нас преследовать.

– Погаси свет, дурень, – ругнулся идущий рядом со мной Серафим. – Весь лес знает, что мы тут идём.

Я поспешно развеял заклинание. Шли мы долго, но в какой-то момент, не сговариваясь, привалились к уходящему в неведомую высь стволу дерева. Тут же обнаружилась небольшая яма, вымытая дождями среди корней. Мы забрались туда и завесили тканью палатки вход в наше логово. Сон накатился моментально.

* * *

Проснулся я от чувства голода. В дорогу я ничего из еды не взял – понадеялся, что мы будем ночевать в какой-нибудь цивилизованной гостинице, но никак не в лесу под корягами. Стараясь не шуметь, открыл свой рюкзак. Внутри нашлись только сухари, но грызть их всухомятку было совершенно невозможно – горло пересохло, страшно хотелось пить. Нужна была вода, очень нужна была вода.

Я позвал Серафима, но тот не просыпался, тяжело дыша во сне. Всё его лицо было покрыто потом, глаза глубоко ввалились. На шее же я заметил огромный сочащийся гнойник размером почти с мой кулак. По-видимому, паук всё же смог впрыснуть свой яд. Я сосредоточился и положил ладони на эту распухшую шишку. Золотистые тёплые искорки стали стекать с кончиков моих пальцев и исчезать в гноящейся ране. Лечебной магией паладинов я владел пока что слабенько, но это всё же лучше, чем ничего. Через минуту рана уменьшилась втрое и покрылась засохшей кровяной коркой. Серафим задышал ровнее и приоткрыл глаза.

– Спасибо, Пётр. Но, к сожалению, это не единственный укус. На спине под одеждой есть ещё пара, и один на правой ноге возле колена. А у меня, как на грех, в сумке не оказалось противоядия. Да и восстанавливающих здоровье эликсиров у меня осталось только два пузырька из пяти. Три пришлось этой ночью выпить – чувствовал, что иначе мне ещё до наступления утра придётся

общаться с богиней смерти Мораной. Нужно скорее искать лекаря, иначе паучий яд сделает своё дело.

Я быстро собрал свои вещи, закинул на спину сумку Серафима, помог другу вылезти из ямы. Куда идти? С ужасом я понял, что не представляю, с какой стороны мы пришли ночью. Ориентироваться в этом сумрачном лесу было совершенно невозможно – уходящие ввысь стволы со всех сторон выглядели одинаково, солнца не видно. Произнеся молитву богине судьбы Фаэтте, я наугад выбрал направление и зашагал туда. Серафим заметно хромал на правую ногу, но старался не отставать.

Куда мы шли? Я понятия не имел. Знал одно – оставаться на месте было нельзя, так как моему другу срочно требовалась помощь опытного лекаря. Под ногами пружинил густой ковёр перепрелых листьев и мха, в изобилии росли грибы самых невероятных видов и расцветок. Вот только, к сожалению, ни одного знакомого мне вида съедобных грибов не встречалось. Лес, если можно назвать лесом бесконечное сумрачно-зелёное поле огромных уходящих вверх колонн, был сырым и туманным. Но ни родничка, ни озерца нам все не попадалось.

Пить хотелось всё сильнее с каждым пройденным километром. И если у меня лишь пересохло в горле, то у Серафима уже полопались в кровь губы. Его мутило, он всё чаще падал, нарыв на шее опять стал нагнаиваться и приобрел фиолетово-синий оттенок. Я повторно применил лечебную магию, но результат получился не столь впечатляющим, как в первый раз.

Лес, между прочим, вовсе не вымер – где-то на огромной высоте в кронах деревьев кипела жизнь, скрипели и пищали насекомые, пели птицы, выли и мерзко хохотали какие-то животные. Но внизу на земле мы долго не встречали никого, кроме червей и сверчков, а также юрких насекомоядных ящериц. Поэтому я сразу обратил внимание на странную тишину впереди – оттуда не было слышно ни птиц, ни насекомых. Я предупредил Серафима, но он никак не отреагировал, в бреду механически передвигая ноги и слабея с каждым часом.

На всякий случай я достал топорик и зашагал более осторожно. Местность поднималась, стало заметно светлее. Мы подошли к подножию небольшого холма, возле которого в воздухе витал странный кислый запах. Никаких опасных тварей не было видно, но ощущение тревоги меня не покидало. Особенно после того как мы наткнулись на целое поле выбеленных костей – сотни и сотни скелетов мелких животных. Тут Серафим достал из сумки пузырёк с малиновым

раствором, с чпокающим звуком вынул пробку и разом выпил содержимое. После чего немного пришёл в себя и осмысленным взглядом осмотрел костяное поле.

– Куда ты завёл нас, Пётр? Тут же воздух просто пропитан смертью.

Друг указал на блестяще-черный поток впереди – узкий стремительный шевелящийся ручей:

– Да это же муравьи! Мы возле громадного муравейника, возвращаемся! – Серафим обернулся и странным помертвевшим голосом добавил: – Хотя это еще не самое страшное. Лучше всё же прорываться через муравьёв.

Я тоже обернулся, чтоб рассмотреть более страшную опасность, и сразу же согласился, что лучше прорываться через муравьёв. Сзади приближался одинокий всадник – знакомый селянин в белой длинной рубахе до колен. Казалось, он устало дремал. Но его лошадь шла точно по нашим следам, наклонив голову к самой земле. Она полностью повторяла наш маршрут, след в след. Этой парочке осталось пройти всего метров триста-четыреста до подножия холма, по которому мы шли. Пока лошадь не поднимала головы, да и редкие кусты нас скрывали, но всё могло измениться в любой момент. Поэтому я решил:

– Идём к муравьям. Муравьи не очень хорошо видят, но легко замечают движение, к тому же могут чувствовать колебания земли. Идём скользящим шагом, как будто земля под ногами обсыпается. А потом перепрыгиваем поток насекомых и бежим дальше.

Удивительно, но этот самоубийственный план удался. Мы почти вплотную приблизились к потоку насекомых. По краям двигались шеренги крупных, в палец длиной, муравьёв-солдат с огромными жвалами. Но основную массу составляли рабочие муравьи почти нормального для моей родины размера, может, лишь чуть крупнее. Они тащили в огромных количествах палочки, хвою, мёртвых насекомых, перья. Мы легко перепрыгнули этот поток и побежали дальше. Вовремя заметили ещё один ручей из насекомых, так же осторожно перепрыгнули его и устремились прочь от опасного места. Бежали со всех ног, позабыв про раны и усталость.

Солнце уже садилось, быстро темнело. Нужно было успеть как можно дальше уйти засветло, так как хорошо видящие в темноте метаморфы передвигались гораздо быстрее людей. Впереди показался вал зелёных кустов, выглядевший необычно после целого моря однообразных стволов. Мы без колебаний бросились к кустам – это был хоть минимальный, но всё же шанс скрыться от приближающихся хищников. То, что лошадь тоже оказалась метаморфом, действовало на меня крайне угнетающе. Наши шансы на спасение, и без того весьма призрачные, теперь снизились практически до нуля.

Мы вломились в кусты, распугав каких-то мелких пичужек, и сквозь ветки стали продираться вглубь. Под ногами зачавкала грязь, а потом... перед нами появилась река. Не такая огромная, как Стреминка, но всё же достаточно широкая, чтобы стать серьёзным препятствием. Мы остановились, рассматривая чёрную воду и топкие берега, обильно заросшие высокими густыми кустами.

– Если мы переправимся на тот берег, то сможем оторваться от метаморфов. Плавать умеешь? – спросил меня Серафим, и я кивнул в ответ. – Тогда не будем терять времени, поплыли.

Вода была очень холодной, что не удивительно для середины осени. Течение, почти незаметное у берега, ближе к середине реки стало настолько сильным, что нас быстро сносило. Но это было даже хорошо – чем дальше мы окажемся от того места, где вошли в воду, тем больше шансов уйти от погони. Серафим держался молодцом – ухватившись одной рукой за свою сумку, он подгрребал свободной рукой, стараясь не отставать от меня.

Я хотел плыть как можно дольше, но от холода у меня начало сводить судорогой ноги. Пришлось выбираться на противоположный берег. Проваливаясь в топкое тягучее дно у берега, мы добрались до кустов, после чего долго продирались по грязи через сплошной вал высокого хвоща и веток, пытаясь выбраться на сухое место. Но грязь и прибрежные кусты все никак не кончались. Может, они вообще тянутся на километры?

– Не стоит уходить далеко от реки, это всё-таки ориентир, – высказал своё мнение Серафим. – Прямо здесь можно и заночевать, найти только место посуше, и нас никто не заметит.

Для привала выбрали более сухое место на возвышенности, покрытое сверху густыми завалами веток. Я сбросил вещмешок, развернул и поставил палатку. Потом вернулся по грязи к берегу и набрал воды во все фляги. Серафим уже развёл небольшой костерок, повесил походный котелок, налил воды, принесённой мною во фляге. У друга в сумке обнаружился кусок вяленого мяса и брикет какой-то сухой зелени, я достал сухари и соль. Мы сварили импровизированный суп и впервые за два дня нормально поели.

Настроение у меня сразу поднялось. Всё было не так уж плохо – мы до сих пор живы и даже более-менее в безопасности, сегодня можно будет нормально выспаться в палатке. Вот только тревожили раны моего друга – у него на спине вздулись две красно-фиолетовых шишки, похожий гнойник образовался на ноге. А опухоль на шее выглядела особенно жутко, увеличившись в размерах и снова загноившись. Я попробовал использовать лечебную магию, но не вышло – мои магические способности на сегодня были исчерпаны, нужно сперва отдохнуть. Пришлось ограничиться промыванием раны кипячёной водой и перевязкой чистыми тряпками. Серафим оживился и отправил меня отдыхать:

– Я подежурю, всё равно не смогу уснуть из-за боли в ноге. А тебе надо отдохнуть, завтра будет трудный день. К тому же восстановишь свою лечебную магию. Чувствую, эта помощь мне очень скоро понадобится.

Это был серьёзный аргумент, против которого не поспоришь. Я уступил место на коряге и пошёл спать в палатку. Отрубился я моментально.

* * *

Проснулся я от яркого света, день был в самом разгаре. Странно, что Серафим меня не разбудил утром. С самыми нехорошими предчувствиями я выбрался из палатки. Костёр ровно горел, рядом имелся достаточный запас нарубленных веток. Друга возле палатки не оказалось, но я услышал стук топора неподалёку и пошёл на звук.

Серафим, раздевшись до порток, рубил высокие одеревеневшие стволы гигантского хвоща. Рядом с ним на земле лежало десятка полтора очищенных от веток стволов, очень напоминающих бамбук. При моём приближении потный Серафим с размаху воткнул топор в ближайшее дерево, устало сел на землю и указал на груду нарубленных лёгких брёвен:

– Ещё столько же нарубить, и достаточно, – хриплым голосом проскрипел мой друг.

– Достаточно для чего? – не понял я.

– Произносить слова трудно. Горло опухло, – говорил он очень невнятно. – Я ночью всё время думал, что нам дальше делать. Удаляться от реки нельзя – в Вечном Лесу мы просто-напросто заблудимся. Да и ходить я уже не могу, больную ногу приходится руками переставлять. Значит, остаётся плыть по реке. Я утром нашёл неподалёку толстый древесный ствол, думал лодку сделать. Но обрабатывать его топором слишком долго, а выжечь сердцевину не вышло – она вся сырая внутри. Поэтому будем делать плот. Верёвка у меня есть, да и у тебя я тоже видел моток. Сейчас я буду дальше рубить, а ты перетаскивай срубленные стволы ближе к реке. Там на берегу свяжем брёвна и поплывём.

Я, как мог, подлечил раны Серафима и сразу принялся за дело – хватал сразу по два-три длинных ствола и тащил через кусты и грязь к реке. Потом мы вместе принялись вязать плот, стоя по пояс в холодной воде. Сначала думали, что достаточно будет одного слоя брёвен, но однослойный плот шатался и постоянно перекашивался, поэтому пришлось вязать брёвна в два слоя. В итоге, у нас получился неплохой устойчивый плот метра три шириной и примерно пяти метров длиной. Я вырезал пару длинных шестов, привязал к остатку верёвки разлапистое корневище для импровизированного якоря и закинул его на плот. Серафим налепил плотный толстый слой грязи в углу плота, собрал в котелок горячие угли, оставшиеся от нашего костра, и перенёс горячий котёл на эту грязевую подкладку.

– Погода хмурится, может дождь пойти. А так у нас огонь с собой будет, сможем заново развести костёр. Да и нога больная страшно ноет от холода, а так хоть смогу греться в пути.

Я собрал остатки дров, свернул палатку. Залил водой кострище и потащил вещи на берег. Закинул сумки, залез сам. Наш плот отлично выдерживал вес двух человек с вещами.

– Ну, помоги нам богиня судьбы Фаэтта и бог мореплавания Нирус! – произнёс Серафим.

Я оттолкнулся шестом от берега, и наше путешествие по реке началось. Мне удалось довольно быстро вывести плот на середину реки, и течение понесло нас мимо заросших берегов. На стремнине шест не доставал дна, и выравнивать плот не получалось. Нас крутило и разворачивало, временами мы продвигались задом наперёд. Но так или иначе, мы плыли по течению. Оказалось, что путешествовать на плоту даже приятно. Лишь изредка из воды торчали притопленные коряги, приходилось от них отталкиваться, чтоб избежать столкновения. Вскоре я уже приноровился, и такие препятствия не вызывали никаких сложностей.

Пошёл дождь. Брёвна под ногами стали скользкими, приходилось осторожнее передвигаться по плоту. Серафим, укрывшись плащом, сидел у котелка с углями и поддерживал огонь. Ему становилось заметно хуже – его тряс озноб, даже жар от углей не согревал. Серафим израсходовал последний пузырёк с лечебным зельем и пребывал в прескверном настроении. Он, на чём свет стоит, ругал сырую погоду, зловещий лес вокруг, непрекращающийся дождь, холодную реку, поход в форт и отсутствие еды. Моя жреческая магия позволяла ещё один раз наложить малое лечение, но я берёг заклинание на вечер.

В реку влился большой приток справа, она стала шире и полноводнее, а течение ускорилося. Местность тоже стала меняться – на смену топким берегам с зарослями хвоща и кустов по обеим сторонам реки пришли высокие камыши, левый берег становился все выше и обрывистее. Появлялось больше живности, я видел множество водных животных похожих на ондатр, у правого берега плавали стаи уток. Вот только ловить их было нечем. Как нечем было и удить плескавшуюся в изобилии рыбу. Я видел целые стайки мелких рыбёшек, видел экземпляры и покрупнее. Голод всё ощутимее напоминал о себе, и как я ни старался не думать о еде, мысли всё равно возвращались к уткам и рыбе... Эх, был бы рядом со мной сейчас Сергей, с грустью думал я, вот у кого всегда получалось совершенно непринуждённо, как бы между делом наловить рыбы, насобирать ягод или грибов, настрелять дичи.

Река сделала резкий поворот, удержаться посередине без нормального весла не получилось, и наш плот отнесло к заросшей кувшинками и ряской болотистой заводи. Брёвна плота, хоть мы и очищали их от веток, запутались в речных водорослях. Плот встал как вкопанный – ни туда, ни сюда. Помощи от Серафима ждать не приходилось, он с каждым часом чувствовал себя всё хуже и хуже, бредил и стонал. Пришлось мне раздеваться и с ножом в руке лезть в воду. Работа оказалась не такой простой, как я предполагал: десятки, если не сотни,

стеблей зацепились за днище плота и держали нас якорем. Когда же я отрезал последние плети водорослей и начал выталкивать неповоротливый плот с мелководья, вдруг услышал голос с берега:

– Так вот вы где! А мы вас ищем-ищем по всему лесу...

Я обернулся. По болотистому берегу весь мокрый от дождя приближался мужик-селянин, ведя за узду свою кобылу. Я сразу узнал эту парочку метаморфов и в ужасе принялся изо всех сил толкать плот, крича другу:

– Серафим! Возьми шест и помоги мне столкнуть плот! Скорее! Да проснись же!

Но Серафим крепко спал и меня не слышал. Плот очень медленно разворачивался, уходя на стремину. Я залез на скользкие брёвна и, подхватив шест, стал отталкиваться от дна. Наши преследователи не успевали за нами – они только-только подошли к кромке воды, а плот уже выходил на стремнину.

– Глупец! Ты лишь приблизил свою смерть. Вода – наша родная стихия! – проговорила лошадь молодым женским голосом, после чего начала меняться.

У неё стали укорачиваться ноги, а туловище, наоборот, удлинялось. Морда животного вытягивалась, появились острые зубы, хвост быстро удлинялся, становясь широким и плоским. Уже через пять-семь секунд вместо лошади на берегу появился зубастый гигант, нечто среднее между зубастым тритоном и крокодилом. Беззвучно, без единого всплеска тварь погрузилась в тёмную воду. Селянин же пошёл за нами вдоль берега и продолжал злорадствовать:

– Долго же мы за вами гонялись! Трудной вы оказались добычей – осторожной, быстрой и сообразительной. Хотя после паутины глупо было пытаться заманить нас в муравейник. Вы, люди, вообще считаете себя умнее всех остальных. Но есть расы подревнее и поопытнее. Мы намного древнее, и ваши попытки обмануть нас лишь ненадолго продлевали вашу агонию. Но любое преследование рано или поздно заканчивается. Я бы и сам первым накинулся на вас, но моей сестре нужнее жизненные соки – ей скоро предстоит деление. И какая ирония судьбы в том, что именно убийцы одного из наших братьев дадут необходимый материал для появления на свет новых братьев и сестёр!

Я понимал, что предстоящий бой станет для нас с Серафимом последним – у нас просто-напросто не было оружия, способного ранить метаморфа. Но сдаваться без борьбы я не собирался. Я помолился светлым богам Эрафии, призывая их помочь в битве. Далее произнес заклинания, к чему теперь их экономить? Во-первых, лечение на Серафима. Во-вторых, силу себе. В-третьих, яркий свет. Всё. Больше у меня ничего не осталось. Одевать доспех уже не было времени. Я взял в одну руку топор, во вторую мачете и встал посреди плота.

– Серафим! Очнись! Да очнись же! – закричал я, но он не отреагировал.

На помощь Серафима в предстоящем сражении можно было не рассчитывать. Я всматривался в тёмную воду, ожидая появления хищника. И вот какая-то длинная стремительная тень промелькнула в глубине, я весь напрягся, ожидая атаки. Тёмная тень прошла в обратную сторону, плот сильно качнуло – тварь задела брёвна своим хвостом. Прошло ещё несколько томительных секунд. И тут плот резко накренился влево, я даже не удержался на ногах и больно хлопнулся задницей о брёвна.

Две когтистые лапы прочно вцепились в край плота, из воды показалась широкая зубастая пасть на длинной шее. Шея существа растягивалась, словно резиновая, а оскаленная морда тянулась к неподвижному Серафиму. Я привстал и замахнулся топором для удара, как вдруг... Серафим открыл глаза и резким броском швырнул стоящий у его ног наполненный раскалёнными углями котелок прямо в раскрытую пасть. Метаморф с лязгом захлопнул челюсти, сглотнул и вдруг вспыхнул, как будто был пропитан бензином. Оглушительный рёв монстра заложил уши. Буро-жёлтой дымящейся жижей тело метаморфа плеснуло во все стороны. На воде вокруг плота расплылось огромное масляное пятно, в воздухе стоял мерзкий запах горелой шерсти.

Серафим с болью застонал, дую на обожжённые ладони. Я встал во весь рост и посмотрел на берег. Смерть сестры произвела ужасное впечатление на последнего из метаморфов. Он застыл на месте и смотрел на воду, не в силах произнести ни звука. Между тем наш плот выбрался на середину реки и быстро удалялся от застывшего на берегу селянина. Я увидел плывущий рядом по волнам деревянный обруч, подцепил его шестом и взял в руки. Уже второй такой странный обруч – светлое дерево, никаких надписей или резьбы. Между тем какая-то магия в обруче явно присутствовала, я это точно чувствовал. Не тёмная магия, не светлая, а какая-то... странная – то ли стихийная, то ли естественная природная. Нужно будет показать обруч магам, пусть разбираются в его

свойствах.

* * *

После короткой вспышки активности Серафим совсем раскис. Он лежал на плоту, никак не реагируя ни на дождь, ни на мои вопросы. Лишь по хриплому, затруднённому из-за распухшего горла дыханию можно было понять, что друг ещё жив. Между тем я с удивлением обнаружил, что моих сил хватит ещё на одно заклинание лечения – видимо, по мере обретения опыта в жреческой магии мои возможности росли. Не мешкая, я тут же использовал это заклинание для помощи Серафиму, но никакого видимого эффекта не последовало. Разве что, может быть, дыхание друга стало чуть спокойнее.

Опасаясь возможной встречи с последним из метаморфов, я заранее развёл на плоту небольшой костёр – если огонь оказался настолько эффективным против этих монстров, то не лишним будет иметь его в случае еще одного появления врага. На всякий случай я даже нацепил кольчугу. Но все было спокойно, ровное течение несло плот дальше, река стала шире, и затопленных коряг или мелей больше почти не попадалось.

А потом... За очередной излучиной Вечный Лес неожиданно закончился. Закончился так же резко, как и везде, где я видел его границу. Насколько хватало глаз, по обоим берегам реки густое переплетение сумрачных древесных исполинов сменилось высокой травой в пояс человеку и редкими светлыми деревья, похожими на высокие берёзы. К этому моменту прекратился дождь, а между туч проглянуло яркое солнце, залив равнину своими тёплыми лучами. Мокрые от дождя травы засверкали миллионами искр, а над лугом развернулась дугой яркая семицветная радуга. Какая красота!

Я забыл все тяготы путешествия, голод и тревогу за раненого друга. Просто стоял на плоту и наслаждался великолепным видом. Изумительно красиво! Если бы мне сказали выбрать место для нового города, в котором будут жить только самые счастливые люди, я бы выбрал эту солнечную долину. Всё здесь было прекрасно – и изумрудные луга, и стройные здоровые деревья, и спокойная река.

Между тем, не только мне одному приходила мысль поселиться в этом месте. Я не особо удивился, увидев через полчаса пути развалины на берегу – поросшие травой каменные блоки и одиноко стоящие колонны. А на противоположном

берегу можно было разглядеть остатки каменной набережной и остов какого-то колоссального сооружения – возможно, храма или дворца. По-видимому, здесь когда-то был большой и красивый город, посреди реки ещё возвышались мощные каменные опоры разрушенного давным-давно моста.

Я провёл плот между двумя высокими опорами и смог с близкого расстояния рассмотреть вырезанные на белом камне старинные геометрические узоры и причудливо переплетающиеся линии. Очень красиво, только было в этом что-то нечеловеческое – то ли в самом рисунке, то ли в расширяющихся кверху многогранных опорах, то ли в самом факте вырезания узоров на опорах моста, где их практически никто и не видит.

После моста русло реки снова делало поворот, течение заметно ускорилося. Берега стали повышаться – появились холмы, а далеко-далеко впереди можно было даже разглядеть скалы. Солнце садилось за горизонт, и перспектива вести плот ночью среди камней и скал мне очень не нравилась. Нужно было останавливаться на ночлег в этом старом разрушенном городе.

И тут я увидел огни – на одном из далёких холмов у реки стояла высокая башня! В окнах горел свет, там жили люди! Я воспрянул духом, усталости как не бывало. Держась правой стороны реки, я всматривался в сумерках в прибрежные заросли в надежде найти место для высадки. Река перед холмами растекалась по равнине и стала мелкой, плот постоянно цеплялся за дно. Я уже подумывал бросить плот и вынести на руках находящегося без сознания Серафима, как вдруг увидел расчищенный от прибрежной растительности участок берега, деревянную пристань и несколько привязанных к ней больших лодок. Там же на столбе горел яркий фонарь.

Я направил плот к освещённой пристани, зацепил якорь за сваи и начал перекидывать вещи на мостки. Потом закинул тяжеленного Серафима к себе на спину и вынес на берег. Нести одновременно крупного мужчину и вещи было мне не по силам. Поэтому я оставил сумки на берегу и со своей тяжелой ношей двинулся на поиски людей. От пристани верх по склону вела тропинка, и я направился по ней. Идти было трудно, пот застилал глаза, но я упорно двигался вверх.

Дорожка привела меня к невысокой оградке и деревянной калитке. Я распахнул её, и после двух дней странствий по лесам увидел живого человека! Это был, вероятно, садовник: он совочком рыхлил землю под кустами с обсыпающейся

лиственной. При моём появлении он встал и с трудом выпрямил затёкшую спину. Это оказался дряхлый старик с длинными путанными седыми волосами и дряблой кожей, одетый в серую мантию до земли. Полы мантии были испачканы в грязи, ткань во многих местах протёрлась до дыр. Но моё первоначальное предположение оказалось ошибочным – этот старик вовсе не был простым садовником. По уверенному твёрдому взгляду, по умению держаться, да и по покрою одежды он не походил на обычного слугу.

– Положи его на спину, – без всякого приветствия старик указал на траву возле дорожки.

Поставленный голос и повелительная интонация сразу выдавали укоренившуюся привычку отдавать приказы. Я, конечно, не стал спорить и осторожно положил бесчувственного Серафима на траву. Старик подошёл и осмотрел моего друга.

– Налицо серьёзное отравление каким-то природным ядом и сильное обезвоживание, – констатировал он, едва взглянув на лежащее тело.

Старик присел на корточки, взял запястье Серафима и нащупал пульс. Потом оттянул веко и осмотрел глаз. Достал из небольшой сумочки на поясе несколько пузырьков, скептически посмотрел на них и положил обратно в сумку.

– Известно ли, чем и когда он отравился? – спросил меня странный лекарь.

– Это было в Вечном Лесу два дня назад. Паучий яд. Мелкие пауки из гигантской паутины.

– За два дня он бы уже умер! – с сомнением возразил мне старец.

– У нас было несколько лечебных зелий. Да и я, насколько хватало моих сил, поддерживал в нём жизнь магическими заклинаниями.

Старец секунду подумал, вынул широкий нож и лезвием разжал челюсти Серафима. Потом влил в рот больному половину содержимого небольшого пузырька. Затем осмотрел рану на шее, скептически покачал головой, но смазал какой-то зелёной мазью. Эффект от лечения проявился сразу – Серафим застонал и зашевелил пальцами руки.

– Жить будет, – удовлетворённо потёр руки лекарь. – Сейчас ещё дам ему зелье лечения, и через пару клепсидр он придёт в себя. А завтра уже и ходить сможет самостоятельно.

Я поблагодарил неожиданного спасителя, но тот лишь лениво отмахнулся:

– Пустяки. Не вы первые, не вы последние. Только что-то я не помню тебя, ты приезжий?

– Да, я не местный, как и мой друг. Мы сбились с пути. Направляемся из Холфорда в замок Древний Брод.

Старик неторопливо сложил свои склянки в сумку и выпрямился. Его губы медленно растянулись в улыбке.

– Древний Брод? В таком случае вы пришли. Вон та башня на скале – одна из угловых башен крепости Древний Брод. Река здесь разливается вширь и становится мелкой, летом её можно во многих местах перейти вброд, даже не замочив рубаху.

– Вот это повезло! – обрадовался я. – У меня есть письмо от герцога Кафиштена то ли к Ляпиру, то ли Лаплану. Не помню имени. В общем, он тут главный.

– Липляру. Он, действительно, тут главный. Не по титулу, конечно, а по должности – назначен самим герцогом управлять замком и окрестными землями. Так что запомни его имя и постарайся не коверкать больше. Он весьма мнительный и обидчивый дворянин, не простит тебе такого. Кстати, где твои вещи?

– Я оставил их на берегу, рядом с плотом. Тяжело было нести раненого и вещи сразу. Сейчас сбегаю.

– Плот? Вы приплыли на плоту? Но выше по реке нет поселений, там только Вечный Лес. Чего это вас туда занесло? – удивился старец.

– Это длинная история, – отмахнулся я, так как мне не терпелось бежать за вещами.

Но старик оказался прилипчивым, словно клещ. Он ухватил меня за плечо своими узловатыми пальцами и развернул к себе.

– Я и не тороплюсь. В мои годы поздно уже куда-то спешить. Пойдём, я провожу тебя до реки и помогу с вещами. Кстати, меня зовут Феофан Алхимик. Я местный маг, травник, алхимик и прочее, и всё в одном лице.

Я тоже представился и по дороге к реке вкратце рассказал о своей службе в городской страже Холфорда, о знакомстве с герцогом Кафиштенем и приглашении в замок. Рассказал о встрече с метаморфами, о бегстве через лес, о гигантской паутине, строительстве плота, нападении метаморфа на реке. Старик внимательно меня слушал, ни разу не перебив.

Мы вышли к мосткам. Около нашего плота стояли рыбаки и обсуждали неказистое плавсредство. Более того, парочка местных жителей уже вовсю копалась в наших сумках. Опустошённый кошелек валялся тут же, а теперь и арбалет Сергея пошёл по рукам, вызвав всеобщее оживление. Я, конечно же, потребовал немедленно отойти от наших вещей и вернуть украденное. Но мужики, а их было пятеро, смерили меня скептическими взглядами и нецензурно посоветовали отойти подобру-поздорову, пока цел.

Я, конечно, не мог стерпеть такого оскорбления. Убивать я их, естественно, не собирался, поэтому и свой топор доставать не стал. Но и простой дубинкой за время службы в городской страже я научился пользоваться неплохо. Уже через несколько секунд двое моих обидчиков, корчась от боли, валялись на деревянном настиле. Ещё один, бросив арбалет, сиганул в холодную воду и быстро поплыл подальше от берега. Оставшиеся двое добровольно выложили из своих кошельков украденные деньги и отошли в сторону. Я неторопливо собрал монеты, сложил рассыпанные вещи по сумкам, подобрал выкатившийся из рюкзака тубус с письмом и подобрал драгоценный арбалет.

Всё это время Феофан стоял в сторонке, не вмешиваясь в происходящее. Лишь когда я собрал вещи и подошёл к нему, старик прокомментировал:

– Мд-а-а, впечатляет. Смело, эффектно и глупо. Теперь понимаю, почему герцог обратил на тебя внимание. Да и на неправдоподобную историю про встречу сразу с тремя метаморфами как-то по-другому начинаешь смотреть. Уже можно и задуматься – верить тебе или нет?

– Почему же неправдоподобную историю? – обиделся я.

– Да потому, что уже лет десять в этих местах ни разу не появлялись метаморфы. А тут сразу три! Да ещё и двоих вы якобы убили голыми руками. И никаких доказательств, разумеется.

– Почему же никаких доказательств?

Я порылся в сумке и вынул два деревянных обруча. Старик взял один из них и повертел в руках. Я думал было, что алхимик заинтересуется природой этой магии, но он лишь удивлённо посмотрел на меня:

– И что это? Простая деревяшка, которая никак не может служить доказательством вашей встречи с метаморфами.

– В ней чувствуется магия. Эти обручи каким-то образом помогают метаморфам проходить сквозь защитные магические барьеры.

– Следы магии присутствуют, но они слишком слабые, чтобы разобраться в их природе. О, смотрю, твоему другу уже стало лучше!

С холма, махая рукой, нас действительно приветствовал Серафим Длинный. Он был всё ещё бледен, но уже самостоятельно смог встать и пройти пару десятков шагов. Видать, он пришёл в себя и, не обнаружив меня поблизости, пошёл осмотреться.

– Ну, как ты? – ещё издали крикнул я Серафиму.

– Пока ещё не понял, – своим привычным рассудительным и немного насмешливым тоном ответил он. – Очнулся на земле, вокруг никого. Попытался встать и понял, что это удаётся. Нога болит, но ходить могу.

Мы обнялись с Серафимом. Я представил другу мага-алхимика и ещё раз поблагодарил Феофана за помощь. Алхимик предложил нам пройти вместе к замку, но для начала велел Серафиму выпить ещё одно лечебное зелье, так как идти предстояло в гору и довольно далеко.

Мой друг повертел в пальцах пузырёк с малиновой жидкостью, но пить не стал, а убрал к себе в напоясную сумку:

– Сейчас нет необходимости в лечении, я нормально себя чувствую. Если вдруг станет хуже, тогда и выпью.

Алхимик не стал спорить, он лишь пристально посмотрел на моего друга, и мы отправились к замку. Серафим пошёл первым, я же стал подбирать сумки. Как вдруг что-то гроыхнуло совсем рядом, яркая вспышка осветила окрестности! Затем раздался ещё один взрыв, чуть подальше. Я ошарашено стал оглядываться по сторонам.

Феофан, широко расставив ноги и прищулив один глаз, сосредоточенно прицеливался вытянутой рукой куда-то в сторону холма. Опять яркая вспышка, из сжатого кулака алхимика сорвался огненный шар и стремительно пронёсся надо мной. Я глянул на холм – Серафим, петляя словно заяц, со всех ног мчался вверх по склону, одежда на нем тлела и дымилась. Третий огненный шар взорвался совсем рядом с моим другом, швырнув его на землю. Или это был уже не он? Тело Серафима стремительно менялось – голова удлинялась, руки уже не уступали по длине ногам. Лохматое четвероногое существо проворно вскочило с земли и огромными прыжками помчалось прочь, спасаясь бегством. Но не успело – четвёртый огненный шар попал точно в туловище монстра. Раздался взрыв, и во все стороны брызнул фонтан оранжево-красных капель. Через несколько секунд на месте Серафима осталась лишь большая дымящаяся лужа.

Старик ещё некоторое время внимательно смотрел на забрызганный ошмётками плоти склон холма, потом посмотрел на меня и направил сжатую в кулак руку мне прямо в лоб. На среднем пальце виднелся серебряный перстень с красным камнем.

* * *

– Встань, но не делай резких движений! – приказал мне жуткий старик.

Я не стал возражать. Поставил сумки на землю и очень медленно выпрямился. Феофан, не сводя с меня глаз, нагнулся и поднял с земли выроненный Серафимом пузырёк.

– Выпей! – протянул он мне склянку.

– Что там? Яд? – с усмешкой поинтересовался я. – А я-то предположил было, что ты нам помогаешь.

– Дурак! Это обычное лечебное зелье. Для человека безвредное. Пей!

Я медлил, не решаясь глотать неизвестную жидкость. Мало ли что этот псих говорит. Почему я должен ему верить?

– Пей, кому говорят! Считаю до трёх. Или ты выпьешь, или я уничтожу тебя! Один!

Я вытянул пробку и одним глотком выпил содержимое пузырька. На вкус жидкость оказалась кисло-горькой, как смесь полыни с лимоном. Я посмотрел на алхимика.

– Выпил. Теперь что?

Старик сразу успокоился и опустил руку.

– Всё в порядке. Ты действительно человек.

– А Серафим кто? – я снова глянул на дымящийся склон холма.

– Это был смертельный обманщик. В состав лечебного зелья входит корень жгучелистника, этот ингредиент смертелен для любых метаморфов. Поэтому он и не стал пить зелье. Раньше это вообще было единственным способом убедиться, что перед тобой действительно человек, а не скрывающийся под его обликом смертельный обманщик. Твоего друга нет в живых, в его теле скрывался монстр-убийца.

– Но как? Ведь за время нашего путешествия у него была масса возможностей напасть на меня! Почему же не напал?

– Ты не прав. Ещё совсем недавно он был живым человеком. Когда ты только поднялся на холм, твой друг был ещё человеком.

– И что случилось потом? – спросил я старика, уже подозревая ответ.

– Мы пошли к реке за вещами, а в это время монстр сожрал твоего друга, лежавшего без сознания. Метаморфу для поглощения тела и копирования убитой жертвы нужно совсем немного времени. Где-то тут поблизости должны остаться следы... И я даже, кажется, знаю где.

Старик принялся, подошёл к стоящему за грядками сараю, открыл дверь и произнёс:

– А вот и следы. Я так и думал. Монстр не стал тратить время, чтобы унести добычу куда-нибудь подальше, лишь убрал бесчувственное тело с открытого места. Вообще-то люди-маски очень хитры, но этот был слишком голодным и потерял осторожность.

Я зашёл в сарай. Резкий кислый запах я почувствовал ещё на пороге. А потом увидел и то, что осталось от Серафима, – груды костей, покрытых мерзкой вонючей слизью, несколько бронзовых пуговиц и разъеденные кислотой ошметки одежды и сапог. Мне стало дурно. Земля закачалась под ногами, я рванулся на свежий воздух и рухнул на землю. В желудке у меня было пусто, но всё равно я никак не мог сдержать рвотные позывы. Феофан подошёл ко мне и сунул под нос нюхательную соль. Её резкий запах привёл меня в чувство.

– Тут уже исправить ничего нельзя. Странно только, что монстр смог пройти сквозь защитное магическое поле вокруг замка. Магическая граница проходит намного дальше от замка, у самой реки, я её сам настраивал когда-то. Неужели заклинание ослабло?

– Магические обручи, – напомнил я старику. – Один из них до сих пор в вашей руке.

Феофан, действительно, до сих пор сжимал обруч в ладони. После моих слов старый алхимик поднял предмет к самым глазам и долго пристально разглядывал его. Но затем, покачав головой, с сожалением вернул мне:

– Я ощущаю следы магии, но они настолько слабые, что я не могу разобрать, что это такое. Да и исследовать свойства магических предметов – не моя

специализация. Я много лет изучаю историю магических вещей, особенно древних артефактов. Не без гордости могу сказать, что собрал одну из самых полных картотек по магическим предметам во всей Эрафии. Но при всём при этом сам я не умею определять магические свойства вещей – всё-таки это совершенно другой раздел магии, которому я не обучался. Нужно показать этот предмет магам-ремесленникам, может, они смогут разобраться. Бери свои вещи и пошли в замок. Я пришлю слуг, они похоронят останки твоего друга.

Мы молча направились в замок. Когда проходили возле места гибели метаморфа, Феофан сошёл с тропинки и достал из липкой жижи ещё один обруч. Брезгливо вытер о траву и положил себе в сумку:

– Может быть, ты и прав, – задумчиво сказал старик. – Если это так, то это очень важная информация. Сегодня же сообщу о произошедшем в Ковен Магов.

Я вспомнил, как беспечно обнимался с метаморфом, не подозревая о смертельной опасности. И похолодел от ужаса.

– Как вы догадались, что моего друга нет в живых? – спросил я алхимика.

Тот остановился, и мне пришлось подождать, пока он отдышится и сможет говорить. – Я понял не сразу. Сперва очень удивился, что твой друг так быстро очнулся – он должен был ещё находиться в беспамятстве. Но даже если бы он и пришёл в себя, то был бы крайне слабым. И уж точно не смог бы самостоятельно ходить из-за распухшей правой ноги. Тут у меня мелькнуло первое смутное подозрение, но я не был уверен. Я дал ему лечебное зелье без всякой задней мысли – просто хотел, чтоб твой друг набрался сил перед дорогой. Он ведь просто обязан был чувствовать себя очень слабым, или я ничего не понимаю в ранениях и отравлениях. Но он неожиданно отказался пить лечебное зелье. И тут я обо всём догадался. А заодно понял и причину неприятного кислого запаха, который я ощутил ещё на подъёме. Дал ему отойти на несколько шагов и активировал волшебное кольцо.

Дорога в гору давалась старику с трудом. Мы часто останавливались, чтобы он отдышался. Но, в конце концов, мы взошли на холм и оказались в начале длинной аллеи, вымощенной камнем. По обеим сторонам аллеи стройными рядами росли уже виденные мной в Холфорде деревья с зелёными шариками вместо листьев.

В середине аллеи старик надолго остановился и страдальчески прижал руку к груди. Потом выпил какое-то зелье из своего арсенала бутылочек.

– Сердце периодически барахлит. Стар я стал слишком для подобных переживаний. Давно бы бросил всё и ушёл на покой, но Липляр меня не отпускает. Другого мага в этой глухомани нет, а помощь магическая требуется регулярно. Так зачем ты, говоришь, сюда направлялся?

– Я же объяснял уже. Меня нанял герцог Кафиштен, у меня и письмо от него с собой. Сказал, что его сыну нужен друг и защитник. Надёжный и молодой, который отговорит от разных шалостей и уберёжёт от неприятностей.

– Да, ты это говорил, я помню. Но, видишь ли, Пётр, дело в том, что ни один из сыновей герцога не живет в замке Древний Брод. Все его сыновья давно выросли и вполне способны сами постоять за себя, старшие так и вовсе уже подарили герцогу внуков.

– Но как же так? Меня ведь нанимали для охраны и игр с ребёнком герцога! Он сам мне это говорил!

– С ребёнком? Ребёнок в замке действительно есть. Только это не сын, а дочь герцога – высокородная леди Камилетта. И если тебя пригласили к ней в пажи, то я тебе искренне сочувствую, мой друг. Это очень избалованное и капризное дитя.

Моя мечта о рыцарстве разлетелась вдребезги. Девчонка! Меня наняли в пажи к девчонке! Я долго не мог переварить эту новость. Я отказался от карьеры в столичной страже, потерял друга, проделал трудный путь через наполненный опасностями лес, чудом выжил после встречи с тремя метаморфами. И всё это ради чего? Чтобы играть с девчонкой в куклы?! Это несправедливо! На глаза невольно навернулись слёзы.

– Ну, не реви, – начал успокаивать меня старик. – Не ровен час, тебя увидит кто из челяди в таком виде. Они же потом тебе житья не дадут, насмешками заклюют. А если ещё и проболтаются леди Камилетте, то тебе ни в жизнь не стать её пажом.

– Да нужна мне работа пажа, как собаке пятая нога! Мнение этой девчонки ничего не значит для меня. Как найти обратную дорогу в Холфорд?

– Не глупи, парень, – повысил на меня голос старик. – Тебя нанял на службу один из самых знатных и влиятельных людей Империи. Если управляющий герцога не даст тебе вольную, ты никуда не сможешь уйти, твоё самовольное бегство приравняется к измене. Ты ещё даже не говорил с управляющим, не видел свою госпожу леди Камилетту, а уже подумываешь о бегстве? Да и куда ты пойдёшь на ночь глядя, голодный и грязный? Не глупи. Мой тебе совет – не противься судьбе, не гневи богиню Фаэтту. Быть пажом у высокородной леди – работа нервная, но весьма почётная. Но если ты не справишься, управляющий запросто найдет тебе другую, пусть и менее престижную работу – охранника, или гонца, или надсмотрщика за рабами и слугами.

К воротам замка мы подошли уже в полной темноте. Массивные обитые толстыми железными полосами ворота были чуть приоткрыты, никакой охраны на входе я не заметил. Возможно, охранники просто отлучились на минуту... все одновременно. Конечно, это полный бардак – я бы стражнику из своего десятка в Холфорде за самовольный уход с поста всю рожу кулаками расписал под хохлому, чтоб неповадно было. Но отсутствие охраны несколько не удивило Феофана. Он приоткрыл ворота пошире и прошел внутрь. Я последовал за ним. В окнах высоких башен свет уже не горел – видно, все обитатели замка, как и большинство законопослушных жителей Эрафии, ложились спать с заходом солнца. Лишь в одном крыле замка на первом этаже горели фонари и слышался женский смех.

– Там кухня и гладильная. Пойдём, представлю тебя служанкам. Они тебя накормят, подготовят ванну и выдадут чистую одежду. Завтра с утра сам найдешь управляющего и передашь письмо от герцога. Да не расстраивайся ты так, парень! Может, Липляр найдёт для тебя более подходящую работу, чем быть нянькой при истеричной девице.

Честно говоря, слова старика меня несколько не успокоили. Но поскольку больше мне ничего не оставалось, я понуро побрёл в освещенное крыло.

Глава вторая. Высокородная леди

Свет горел в небольшом помещении возле кухни, в котором девушки-служанки собирались по вечерам – кто-то из них мыл посуду, кто-то шил, кто-то вышивал на пальцах, одни приходили просто поболтать, другие – поделиться секретами с подругами. Феофан представил меня девушкам как гонца из столицы, а сам пошёл искать охранников, так как собирался ещё до полуночи сжечь останки Серафима. Я порывался пойти с ним, но старик заверил меня, что с кремацией справится сам, а отдать дань уважения другу я смогу завтра в склепе.

Как только за стариком захлопнулась дверь, меня сразу окружили вниманием и заботой. И хотя ужин в замке давно прошёл, специально для меня повариха подогрела суп, порезала овощи, достала из чулана вяленое мясо и сыр. Пока я ел, девушки-служанки вскипятили воды и наполнили в банной комнате большую деревянную круглую бочку. Меня допытывали насчёт столичных новостей. Я не отмалчивался и подробно рассказал о последних событиях в столице, о битве на рыночной площади, рассказал о своем путешествии к замку, о встрече с метаморфами и гибели друга. Девушки были благодарными слушателями и лишь изредка перебивали меня, вставляя свои реплики и комментарии. Видимо, тут, вдалеке от Холфорда, жизнь текла вяло и размеренно, и любые новости вызывали интерес.

Одна из девушек, рыжая кудрявая красавица Лиана, осторожно поинтересовалась, надолго ли я прибыл в замок. И когда я ответил, что приехал по поручению герцога Кафиштена и, не исключено, что останусь тут навсегда, девушки явно обрадовались и начали перемигиваться и шептаться между собой.

Впервые за много дней я наелся до отвала. После того как я насытился, большой хихикающей толпой служанки проводили меня в банную комнату и навязчиво предлагали мне помочь искупаться. Мне стоило больших усилий выпроводить их всех из комнаты. Девушки были явно разочарованы моей стеснительностью, но принесли мне свежую длинную рубаху, подштанники и широкое полотенце, а мою грязную одежду взяли в стирку. Мне было обещано, что к рассвету вся одежда будет отстирана, открахмалена и поглажена.

При мерцающем свете тусклой лампы я закрыл входную дверь на крючок и блаженно погрузился в горячую воду. К моим услугам имелась лохматая мочалка и большой кусок пахнущего ромашками мыла. Я быстро вымылся, а потом ещё долго нежился в горячей воде, не желая выходить. Лишь опасение, что я могу уснуть от усталости прямо здесь, в ванной, заставило меня пошевеливаться. Я

вытерся, надел оставленную мне одежду, накинул сверху плащ и вышел в коридор.

Пока я мылся, девушки уже разошлись по своим комнатам. На кухне оставались только Лиана, которую я сразу выделил и запомнил благодаря яркой внешности, и ещё одна девушка с длинными русыми волосами (она представлялась, но я, признаться, забыл её имя). Моя одежда, уже постиранная, сушилась на бельевых верёвках. Служанки сообщили, что могут постелить мне в свободной комнате в западном крыле, также есть подходящие комнаты в южной части замка. Обе девушки ожидали моего выбора. Я поинтересовался, какая разница в расположении комнат.

– В западном крыле живут неженатые охранники замка и некоторые мастеровые из числа простолюдинов. В южном крыле более просторные комнаты и большинство из них свободные, там обитают дворяне, старый маг, а также начальник охраны, – пояснила мне Лиана.

Я задумался. С одной стороны, я не был дворянином. С другой стороны, и рядовым охранником замка тоже не был. Наверное, лучше было сразу показать свои большие амбиции, чем понизить свою планку в глазах других.

– Я заночую в южном крыле замка, – ответил я, поднимая свои сумки.

Лиана, как мне показалось, огорчённо вздохнула. Её подруга, наоборот, заметно повеселела, взяла корзину с постельным бельём и масляный фонарь и вызвалась проводить меня до комнаты. Я пошёл за ней по тёмным коридорам.

Внутренняя планировка замка была весьма мрачной и запутанной – винтовые лестницы, узкие проходы, в которых было сложно разминуться двум встречным. Это была скорее крепость, чем замок. Моя провожатая уверенно провела меня по тёмным переходам и вывела в широкий хорошо освещённый светом факелов коридор.

– Это – жилой этаж южного крыла. Комнаты все здесь пустуют, кроме самых дальних. В одной живёт брат управляющего со своей семьей, в других – главный егерь и престарелая сестра герцога со своей нянькой. Этажом выше занята всего одна комната, в которой живёт начальник охраны. А в верхней башне проживает старый маг Феофан.

– Какое тут запустение, – удивился я.

– Это так, – грустно согласилась девушка. – Раньше, говорят, замок бурлил жизнью. Герцог давал балы, тут постоянно проживало множество гостей. Но в последние годы здесь мало обитателей.

– И давно ты тут живёшь? – поинтересовался я.

– Да практически всю жизнь. Я родилась в деревне неподалёку от замка. Но когда мне было пять лет, случился неурожайный год – из-за дождей погибли посевы, а запасы зерна в амбарах подмокли и испортились. И в ту голодную осень родители обменяли меня на два мешка пшеницы – и от голодного рта избавилась ещё до наступления суровой зимы, и заодно зерна для посева раздобыли. С тех пор я прислуживаю в замке – стираю, мою полы, помогаю на кухне, набираю по утрам чистую воду из колодца. Я считаю, что богиня Фаэтта была ко мне благосклонна, так как работа в замке намного легче, чем у меня дома. Там всё лето от зари до зари приходится в поле работать, а весь остальной год с утра до ночи прясть пряжу.

Девушка прервала свой рассказ и остановилась у одной из дверей, поставила корзину с бельём на пол, достала большой чугунный ключ и попробовала открыть замок. Она с минуту пыталась провернуть его в замке, но у неё ничего не вышло.

– Замок заело, редко им пользовались в последнее время, – извинилась служанка.

Я сам попытался провернуть ключ, но это оказалось нелегко. Когда же я надавил изо всех сил, раздался хруст, и большой ключ сломался у меня в руке. Я с виноватым видом отдал девушке головку ключа, а стержень остался торчать в замке. Девушка удивлённо и испуганно повертела обломок в руке.

– И что нам делать? – спросила она меня. – У меня нет других ключей.

– Не переживай, – постарался я успокоить её и осмотрел дверь и замок.

Дверь не производила впечатления надёжной – старые доски, разошедшиеся косяк. Пожалуй, я смог бы её выбить с двух-трёх ударов ноги. Хватило и одного удара – дверь распахнулась, глухой звук прокатился по тёмному коридору и породил гулкое эхо. Я несколько запоздало испугался, что на шум выбегут разбуженные недовольные обитатели, но никто в коридор не вышел.

Девушка взяла фонарь и первой прошла в темноту. Я подобрал свои сумки и последовал за ней. Большое холодное помещение из нескольких комнат – прихожая, с одной стороны дверь в санузел с настенным умывальником и дырой в каменном полу, другая дверь ведёт в большой зал, за которым находится спальня. Окна занавешены тяжёлыми плотными шторами. На стенах – старые выцветшие гобелены, несколько больших батальных полотен не очень умелого художника. Голова оленя с массивными рогами, большой треугольный щит с гербом Кафиштенев – коршун или сокол расправляет крылья на фоне крутой скалы. Всё это смотрелось весьма таинственно и фантастически в свете маленького переносного фонаря.

Моя провожатая достала из верхнего ящика огромного старинного комода свечи, вставила в большой подсвечник. Зал осветился и показался даже уютным. Я скинул свои сумки в углу и уже внимательнее осмотрелся. Из мебели тут имелся большой круглый стол, на котором пылилась ваза с давно засохшими и осыпавшимися цветами, несколько грубо сколоченных стульев, широкая лавка. Большой камин, рядом с которым стояли длинная кочерга и ведро с деревянными щепками. Я подошёл к окну и отодвинул плотную пыльную штору. Моему взору открылось узкое мутное окно. За окном виднелись горы, поросшие густым лесом и освещённые серебристо-зеленоватым светом малой луны.

Пока я рассматривал окрестности, девушка унесла подсвечник в спальню, где быстро и ловко постелила постель. Потом достала тряпку и стала тщательно протирать пыль со стола и стульев. Я за этот бесконечный день нечеловечески устал и с трудом скрывал зевоту. Но служанка всё никак не уходила. Тогда я прямым текстом попросил её оставить меня, так как я страшно устал и просто падаю с ног. Девушка помедлила немного и, покраснев, спросила:

– Извини, Пётр, но можно я ещё немного побуду с тобой? Просто здесь в замке скучно, новые люди появляются очень редко. Да и, признаюсь, мои подружки сейчас сидят и обсуждают – сумею ли я тебе понравиться. Надо мной все девушки будут смеяться, если я упущу такой шанс и не смогу поближе познакомиться с красивым парнем...

Я показал ей надетое на палец колечко:

– Ты очень симпатичная девушка, и я бы с удовольствием проболтал с тобой хоть до самого утра, но у меня есть невеста. Уверен, она будет не в восторге, если узнает, что я ухаживаю за другими девушками.

Но служанка нисколько не смутилась:

– Сегодня все девушки первым делом обратили внимание на обручальное колечко Амины на твоём пальце. Но ведь это колечко ничего не значит. Никаких обязательств. Это лишь знак, что какой-то девушке ты понравился, и она повела тебя в храм.

Я внимательно рассмотрел свою собеседницу – красивое лицо, стройная фигура, длинные русые волосы. Без всякого преувеличения, служанка была симпатичной, даже красивой. А я ведь даже имени её не запомнил. Девушка ждала моего решения.

– Сегодня я реально устал. Я вот-вот свалюсь...

– Но может, в другой раз мне можно будет зайти? – служанка явно расстроилась, в её глазах появились слезинки.

Мне стало стыдно за своё поведение – ну, что мне трудно уделить толику внимания девушке?

– Да, в другой раз я с удовольствием уделю тебе столько времени, сколько ты сама захочешь, – успокоил я собеседницу.

– Ловлю тебя на слове, – хитро улыбнулась ночная посетительница и, пожелав мне спокойного сна, закрыла за собой дверь.

* * *

Проснулся я от ощущения, что кто-то находится в спальне и наблюдает за мной. Открыл глаза и убедился, что чувства меня не обманули: на краю кровати

сидела рыжая Лиана. Заметив, что я проснулся, она улыбнулась:

– Вставай, лежебока! Уже утро наступило. Скоро завтрак, и ты рискуешь его проспять.

– Что ты тут делаешь? – удивился я.

– Принесла твою одежду, отстиранную и отглаженную, – Лиана указала рукой на вешалку с моими вещами. – Налила чистой воды в умывальник. Далинка рассказала, что ты дверной замок сломал, поэтому я не стала стучаться и тебя будить.

Кое-как я собрался с мыслями. Вчерашнюю девушку, оказывается, звали Далинка, нужно запомнить. Я присел на кровати и вспомнил, что из одежды на мне только панталоны. Неудобно как-то при девушке разгуливать в нижнем белье.

– Может, теперь ты выйдешь, чтобы я мог одеться? – спросил я.

– Ой, какой стеснительный! Иди, умывайся, я отвернусь. Мне просто ещё тут пыль нужно вытереть, полы вымыть и вообще у тебя в комнатах прибраться.

Я встал и протопал к умывальнику. Привёл себя в порядок, вернулся в гостиную и заметил, что Лиана во все глаза рассматривает меня:

– А что значит татуировка с вепрем? – спросила она. – Оскаленный вебрь – знак четвёртого полка Холфорда, я там служил десятником. Но кое-кто обещал отвернуться, – напомнил я любопытной служанке.

– Да чего тебе стесняться! – искренне удивилась Лиана. – С такой фигурой любая девушка Эрафии может быть твоей, только пальцем помани.

– Скажешь тоже... – окончательно смутился я. – Да и вообще у меня невеста есть.

– Странно было бы, если бы у такого красивого парня не было девушки. Но твоя невеста далеко, да и колечко богини любви Амины ничего не значит. Так что

будь готов к тому, что местные красавицы будут тобой интересоваться, – хитро улыбнулась Лиана.

– Это я уже заметил, – согласился я, облачаясь в отглаженную одежду.

Лиана осмотрела меня, поправила плащ и сказала:

– Могу дать тебе совет, как стоит себя вести со здешним управляющим Липляром. Совет очень полезный, но не бесплатный. Недорого. Всего один поцелуй.

Я улыбнулся этой забавной шутке. Но, оказалось, что Лиана не шутила:

– Чем я хуже Далины? С ней-то ты вчера целовался. Не отпирайся, она всем уже разболтала. Всего один поцелуй, и я расскажу, что нужно говорить Липляру, чтоб произвести благоприятное впечатление.

Я не стал ничего доказывать и спорить. Действительно, разве это трудно – поцеловать разок такую красивую девушку, тем более ради собственного блага. Я шагнул к ней и поцеловал в губы. Девушка обняла меня за шею и поцеловала в ответ, впившись губами.

Когда Лиана оторвалась, она выглядела довольной, как наевшаяся сметаны кошка. И дала мне отличный совет перед встречей с Липляром: выглядеть как можно более простым и глуповатым, эдаким тупым солдафоном. С её слов выходило, что управляющий с очень большим подозрением относится ко всем, кого герцог направляет в замок. Подозревает в них соглядатаев, которые будут следить за ним и контролировать его работу. Он их побаивается и при первой же возможности старается избавиться от этих людей, отослав куда подальше. Возможно, у Липляра имелась какая-то причина опасаться проверяющих, хотя Лиане об этом ничего не было известно. Так или иначе, неприязнь управляющего к слугам, нанятым герцогом в столице, давно была подмечена всеми обитателями замка.

* * *

Управляющего я нашел в северном крыле замка, обращённом к реке. Здесь были самые высокие башни и три жилых этажа. Меня сразу удивило, насколько северная часть замка отличается от остальных. Высоченные потолки, на полу ковры, на стенах – картины и оружие. Все коридоры были освещены фонарями и патрулировались стражей, сновали многочисленные слуги. Пожалуй, это крыло напоминало дворец, а не мрачную крепость.

У входа в кабинет управляющего стояли двое хмурых охранников в латных доспехах, вооружённые длинными пиками. Они перегородили крест-накрест дверь оружием и поинтересовались целью моего визита. Я ответил, что прибыл по приказанию герцога, после чего охрана меня пропустила.

Липляр с первого же взгляда произвёл на меня отталкивающее впечатление. Это был невысокий толстячок с заплывшими жиром бегающими злыми глазками. Он принял меня, не вставая с высокого кресла, напоминающего трон. В его жестах, тоне, взгляде ощущалась угроза всем, кто хоть на секунду усомнится в его высоком положении. Рядом с креслом Липляра стоял тощий длинный мужчина в дорогой одежде держа в руках перо и свиток бумаги. Я по-военному приветствовал управляющего, поклонился второму присутствующему, чётко представился и передал запечатанный тубус с письмом от герцога.

Липляр небрежно сорвал печать, несколько раз перечитал письмо, потом свернул в трубочку и уставился на меня своими пронзительными глазками:

– От самого герцога, говоришь. Что в тебе герцог нашёл такого, чтоб отослать к нам аж из самой столицы?

– Не могу знать, благородный господин! – рявкнул я так, что даже эхо прокатилось в коридоре за открытой дверью.

– А сам как думаешь? Ведь не каждого же нанимает такой влиятельный человек, как герцог Кафиштен, – продолжал допытываться толстяк.

– Ему понравились моя сила и отвага! Герцог видел, как я сражался на Арене против трёх мечников и победил. Не каждый воин из городской стражи способен на такое! – я бахвалился своими успехами, надеясь, что не переигрываю.

Толстяк скрестил пальцы на животе и переглянулся с присутствующим в комнате мужчиной. Тот едва заметно кивнул управляющему.

– Допустим. Но в письме упоминается твой спутник. Где он?

Я опустил глаза и совсем другим тоном, выражающим скорбь и боль утраты, проговорил:

– Он погиб. Совсем немного не дошёл до вашего замка. Был съеден метаморфом здесь, неподалёку, возле реки. Но мой друг отомщён. Коварный монстр был убит магом по имени Феофан Алхимик.

– Феофан? Надо же, держит ещё марку старик. Герцог написал, что направляет тебя для присмотра за своей дочерью высокородной леди Камилеттой. Тебе сказали, что ты уже пятый, кого герцог нанимает на эту должность?

– Никак нет, благородный господин. Мне никто не говорил об этом. И лишь вчера, когда я уже прибыл в замок, мне сказали, что у герцога дочка, а не сын.

Липляр весело рассмеялся, долговязый господин тоже выдавил подобие улыбки. Потом управляющий ещё раз перечитал письмо, посмотрел на меня и спросил:

– Значит, ты думал, что станешь оруженосцем у молодого дворянина. А вместо этого придётся играть в куклы с девчонкой-истеричкой. Как это похоже на герцога – нанять простачка, наобещав ему невесту чего!

Я молчал, утверждать очевидное было незачем.

– По твоему акценту понятно, что ты не коренной житель Холфорда. Однако служил в столице... Странно всё это. Откуда же ты родом?

Разговор пошёл по скользкому руслу. Мне за время жизни в Холфорде не раз приходилось рассказывать про своё детство, но моими собеседниками обычно были простые солдаты, а не такой хитрый и осторожный тип. Я внутренне напрягся, постаравшись сохранить внешнее спокойствие.

Я заученно, в который уже раз за последние полгода начал рассказывать о себе:

– У нас в посёлке, у Малых Граничных Холмов, девчонка по имени Ленка-Фея стала странной. Друид посмотрела на неё и сказала, что у нее открылся магический дар, и ей нужно идти в Холфорд учиться на магичку. Фея подговорила меня и ещё одного парня по имени Серый Ворон пойти с ней за компанию. Родители нас благословили, и мы втроём самостоятельно прошли через лес, через большое болото и вышли к горам. Дорога была трудной и опасной, но в итоге мы добрались до Холфорда. Ленка-Фея поступила на обучение в Академию Магии, мой друг нашел работу в городе, а я смог поступить в городскую стражу и вскоре стал лучшим из новичков и получил звание десятника. Дальше случилось так, что я повздорил с наглым десятником из другого полка, а он взял и вызвал меня на поединок на Арене. Этот десятник оказался благородных кровей, из семьи Армазо.

– Армазо? – искренне удивился молчавший всё время человек с бумагой. – Странно, что кто-то из Армазо рискнул выйти на Арену один на один с серьёзным противником.

– Так он и не рискнул. Перед началом боя выяснилось, что правила изменили, и против меня на поле выйдут сразу трое гладиаторов.

Мои собеседники переглянулись, долговязый улыбнулся и развёл руками – мол, всё было предсказуемо. Липляр тоже усмехнулся:

– Вот это уже похоже на Армазо.

– Со мной на Арену пришёл друг из полка, он вызвался стать моим секундантом. И мы вдвоём победили трёх опытных противников. Трибуны были в восторге, а среди зрителей находился герцог Кафиштен, он всё видел своими собственными глазами. После боя герцог нашёл нас и предложил поступить к нему на службу, обещал оплату впятеро больше, чем в городской страже. Мы сразу согласились, и нам было велено отправляться в замок Древний Брод. Это было четыре дня назад. И вот вчера вечером я добрался сюда, а мой друг погиб по дороге.

– А сколько ты получал в городской страже? – поинтересовался худой мужчина.

– Как десятнику мне полагались два цехина в день, – честно ответил я.

– Хорошо, слушай внимательно, – Липляр откинулся на спинку кресла. – Воля герцога для меня закон, и если высокородная леди Камилетта Кафиштен согласится, чтобы ты стал её пажом, получишь обещанные герцогом деньги. Если же она не одобрит тебя в качестве пажа, я найду тебе другое применение в замке, люди тут нужны. Только оплата будет скромнее – по три цехина в день. Познакомься, это казначей Мильхель, – Липляр указал на худого мужчину, – деньги слугам он выплачивает каждый Большой Выходной.

– Ты все понял? Ты вообще умеешь читать и писать? – поинтересовался казначей.

– Грамоте я не обучен. Но считать деньги умею.

– В таком случае, ступай и сегодня же познакомься с высокородной леди Камилеттой. Вечером расскажешь, согласилась ли она взять тебя в качестве пажа.

* * *

Я вышел от Липляра и только тут почувствовал, что спина вся мокрая от пота. Хорошо хоть осторожный управляющий не стал копать слишком глубоко, дознаваясь про моё прошлое. Я вовсе не уверен, что смог бы ответить на каверзные вопросы.

От слуг я узнал, что высокородная леди Камилетта ещё поживает и вообще обычно не просыпается раньше полудня. Так что я не торопясь сходил позавтракал, познакомился со многими обитателями замка из числа слуг и охранников, а потом пошёл искать тренировочную площадку для воинов, про которую узнал из разговоров.

Площадку я нашёл в полукилометре от замка. Небольшой прямоугольный вытопанный участок с мишенями для стрельбы из луков, манекенами в рост человека и несколькими тяжеленными валунами. Под навесом рядом я обнаружил деревянные мечи, несколько луков со снятыми тетивами, перчатки для стрелков, множество стрел, берестяной закрытый жбан с катушкой, на которую были намотаны снятые с луков потрёпанные толстые нити. Никто не тренировался, да и поблизости я также никого не заметил.

Раздевшись по пояс, я пробежал десять кругов вокруг площадки, потом принялся поднимать валуны и отжимать их, лёжа на земле. Камни очень разнились по весу – самый маленький был примерно килограмм двадцать, а самый большой я не смог даже пошатнуть. Дома в тренажёрном зале я мог оторвать от земли штангу весом двести десять килограмм, а уж приподнять за один конец смог бы, наверное, и триста килограмм весом. Но этот большой валун вызвал у меня откровенное недоумение: каким же должен быть силач, способный тренироваться с этой глыбой?!

Я поупражнялся в стрельбе из лука, но выходило у меня посредственно – с сорока шагов лишь одна из пяти стрел кое-как попадала в ростовой соломенный манекен. О том, чтобы вогнать стрелу в нарисованную на груди манекена мишень, речи пока что не шло. Потом я взял деревянный меч и отрабатывал стойки и блоки, которым нас учили в городской страже.

В какой-то момент я обнаружил, что у меня появился зритель – высокий длиннорылый мужчина в форме охранника замка сидел на поваленном бревне и внимательно следил за моими действиями. Ближе он не подходил и нисколько не мешал мне заниматься. После тренировки с мечом я взял свой топор и щит и продолжил упражнения: атаковал манекен, уклонялся или отражал щитом предполагаемые удары противника. Под конец тренировки я опять лёг на спину и отжимал от груди камень, в нём было килограмм сорок-сорок пять, это был седьмой по величине камень на площадке.

Когда я закончил упражнения, усатый дядька неторопливо встал, отряхнул прилипший к его одежде мусор и подошёл ко мне:

– Я Вальдемар, начальник охраны замка. Признаюсь, весьма удивлён, что кого-то не нужно гнать на тренировочную площадку пинками и подзатыльниками. Не помню, чтобы раньше встречал тебя здесь.

Я представился и объяснил в двух словах причину своего появления в замке. Вальдемар усмехнулся:

– Так вот кто вчера избил рыбаков, а потом выломал дверь в комнату. Да чего ты оправдываешься, я тебя не обвиняю. Наоборот, сразу видно настоящего мужчину, прирождённого бойца. Который сумеет за себя постоять и не станет зря терять время, не решаясь войти в спальню. Считаю, не твое это дело –

играть в куклы с леди Камилеттой и её фрейлинами. Иди на настоящую мужскую работу – у охранников и оплата приличная, и время свободное есть. Что скажешь? Если согласен, с казначеем я сам договорюсь, сегодня же тебе выдадут обмундирование с гербом рода Кафиштенгов. Девки в округе передерутся за такого красавца.

– Они и так уже мне покоя не дают, – хмыкнул я. – Предложение хорошее, только неудобно как-то, даже не познакомившись с высокородной леди, отказываться от предложенной самим герцогом работы. Нужно для порядка хотя бы с ней переговорить.

– Поговори, конечно. Сам увидишь – избалованная девчонка, совсем от рук отбилась. Поговаривают, её сюда в глушь герцог выслал из столицы в наказание за плохое поведение. Если и появляются проблемы у охраны замка, так обычно с ней и связанные. Убегает от нянек, а мы потом разыскивай её по окрестным полям и лесам.

* * *

Разговор с Вальдемаром существенно улучшил моё настроение – получается, мне нужно лишь объяснить девчонке, что для роли послушного пажа я не подхожу, и можно с чистой совестью поступать в охранники. Буду обеспечен хорошей работой, деньгами, а также свободным временем. А уж возможность проявить себя на службе я как-нибудь найду!

Я сполоснул лицо и руки после тренировки, пообедал, поправил одежду перед большим зеркалом в холле, и уже со спокойным сердцем пошёл представляться высокородной леди Камилетте. Дочь герцога обитала в северной части замка, занимая целиком верхний этаж и центральную башню. Я прошёл по этажу, отмечая для себя, что это самая роскошная часть замка.

Дверь, за которой начиналась ведущая в башню лестница, оказалась закрыта, и мне пришлось долго звонить в серебряный колокольчик. Когда моё терпение уже иссякало, смотровое окошко приоткрылось, и пожилая служанка поинтересовалась целью моего визита. Потом она, подбирая полы своих длинных юбок, проводила меня на второй этаж к игровой комнате, где находилась благородная леди.

Я постучался и вошёл. Просторный круглый зал, освещённый яркими лучами полуденного солнца, в центре винтовая лестница на самый верхний этаж. Окна располагались равномерно вдоль стен и выходили на все стороны света. Полы устланы толстыми яркими коврами, на которых в полном беспорядке валялись игрушки – тряпичные куклы и плюшевые звери. В комнате находилось три девушки. Все они сидели на полу, держа в руках большие нарядные куклы. Бдительная нянька присела на лавочку возле двери.

Благородную леди Камилетту я определил сразу – по гордой осанке, по богатому платью, по обилию косметики на лице, по драгоценным серёжкам и кольцам, но главное – по уверенному взгляду. Это был взгляд привыкшей повелевать полноправной хозяйки. Как меня учили в Холфорде, я поклонился, приветствуя представительницу высшего дворянства Империи, и представился по всей форме.

– Опять отец кого-то из своих холопов прислал, – проворчала девушка, скривив недовольную гримасу на своём неестественно белом от пудры лице. – И чего он никак не уймётся?! Я уже сто раз говорила папеньке, что не нуждаюсь в его соглядатаях. Эй, пошёл вон отсюда!

– Но, ваша светлость, воля герцога – закон для всех обитателей замка! – вмешалась сидящая за моей спиной пожилая нянька. – Сколько раз вам объяснял господин Липляр, что...

Леди Камилетта пронзительным визгом прервала нравоучения старухи и велела двум девушкам выметаться из комнаты, так как она не в настроении дальше продолжать игру. Девушки молча встали и поспешно покинули комнату. После этого Камилетта накинулась на няньку, громко требуя, чтобы та тоже немедленно убиралась и никогда больше не появлялась без приглашения. Нянька же неожиданно упёрлась и не только отказалась уходить, но пыталась переубедить взбалмошную девицу, тоже повышая тон. Шум и крики, наверное, были слышны даже во дворе замка! У меня уши заложило от девчачьего визга и их перепалки.

– ТИХО!!! – громче всех гаркнул я.

Нянька и благородная леди замолчали, удивлённо уставившись на меня.

– Позвольте я вас перебую, – уже спокойно продолжил я. – Скажу, возможно, излишне грубо, но зато искренне и по сути, так как не хочу отнимать ваше драгоценное время, высокородная леди. Соглядатаем герцога или кого-либо другого я никогда не был и никогда не стану, но в гробу я видел работу сиделки при истеричной девице! Когда герцог Кафиштен после выигранного мной труднейшего боя на Арене предложил поступить к нему на службу и стать другом и помощником его ребёнка, я мечтал о возможности сразаться рука об руку с сыном герцога. Мечтал о приключениях и славе, о том, как буду защищать своего будущего друга от возможных опасностей. У меня и в мыслях не было, что благородный герцог предлагает мне вместо захватывающих дух приключений сидеть в замке, перемещать плюшевых зверушек из угла в угол и вытирать слёзы его капризной дочери. Эта работа не для меня, поэтому прошу поискать кого-то более утончённого и сдержанного, а меня послать куда подальше.

После моих слов воцарилась тишина. Леди Камилетта обиженно кусала губки, а лицо няньки выражало такой гнев и злобу, что казалось, старуха меня загрызёт:

– Да как ты смеешь так выражаться в присутствии высокородной леди! Как ты можешь так низко ценить оказанную самим герцогом честь! Я немедленно позову стражу и всё расскажу управляющему о твоём неподобающем поведении! – с этими словами нянька стремглав выбежала из комнаты.

– Вот и отлично, – невозмутимо ответил я. – Высокородная леди Камилетта, надеюсь, теперь у вас уже не осталось сомнений, что я не могу служить вашим пажом. Я могу идти?

Но девушка ответила далеко не сразу. Она окинула меня долгим внимательным взглядом и медленно, с металлом в голосе, произнесла:

– Значит, ты считаешь, что слишком хорош для службы у меня? Значит, ты рвёшься к приключениям и подвигам, а меня считаешь недостойной быть твоей хозяйкой? Что же, твои хвастливые слова легко проверить. Лично я убеждена, что почётное право защищать меня ещё нужно заслужить!

На лестнице раздался топот множества ног. В комнату вбежало несколько вооруженных стражников, за которыми следовала возмущённая нянька.

– Вот этот мерзавец, который оскорбил благородную леди! – указала на меня старуха, как будто в комнате находился ещё кто-то, с кем меня можно было спутать.

– Как смеете вы врываться в мою комнату?! – голос дочери герцога мог бы замораживать воду. – Это мой паж, и только я одна могу решать – казнить его или миловать. Все, кроме пажа, вон отсюда немедленно!

Растерянные стражники обернулись к няньке, ища у нее поддержки. Но та лишь удивлённо пожала плечами. Стражники извинились за беспокойство и так быстро покинули покои, как будто за ними гнались злобные демоны. Леди Камилетта подошла к окну, посмотрела вдаль и, не оборачиваясь, произнесла:

– Я проверю твою смелость, раз уж ты сам напросился. Жди меня возле конюшни через две клепсидры. Передай конюху мой приказ – найти тебе скакуна и подготовить мою Пчёлку. Обязательно захвати своё оружие и надень боевые доспехи. Сразу предупреждаю, проверка будет крайне опасной.

* * *

Я вышел из игровой комнаты в полной растерянности. Столкнулся в дверях с подслушивавшей нянькой. Она нисколько не смутилась своего обнаружения и тут же просочилась к своей воспитаннице. Я же быстрым шагом добрался до своих комнат, прикрыл за собой дверь и подпёр её для надёжности стулом – не было ни времени, ни настроения разбираться с какой-нибудь не в меру любопытной служанкой.

Снял парадную одежду и облачился, готовясь к опасному заданию – поверх просторной льняной рубахи надел толстую вязаную безрукавку-потник, а поверх неё – кольчугу до колен. На ноги натянул облегающие колготы из плотной многослойной ткани, застегнул металлические наколенники, обул высокие сапоги на шнуровке. Подпоясался широким толстым ремнём с бляшкой в виде головы волка, закрепил ножны: с правой стороны на пояс дварфовский топор с длинной ручкой, слева мачете. Широкий охотничий нож я сунул в специальный кармашек внутри сапога. Поверх кольчуги накинул свой красный плащ. Надел кожаные перчатки с вшитым кастетом и закрепил на спине на перекинутом наискось через грудь ремне обитый железными полосами треугольный щит без всяких гербов. На голову натянул толстую войлочную шапку, поверх которой

надел легкий шлем с кольчужной защитой горла. Кажется, всё. Теперь я готов к трудному испытанию!

Я спустился во двор, провожаемый любопытными взглядами охранников и слуг. Прошёл к конюшне и передал лежащим на копне сена конюхам приказ высокородной леди. Они сразу засуетились – седой старик первым поднялся, вскочил на осёдланную лошадь и помчался к пасущемуся в полях табуну, чтобы привести для меня скакуна. Остальные конюхи кинулись готовить Пчёлку для леди Камилетты. Пчёлка оказалась молодой рыжей кобылой с широкой белой полосой на морде. Кобыла была весьма строптивой, как я сразу смог заметить, конюхи её заметно побаивались. Вскоре вернулся старик, ведя за уздечку громадного чёрного, как смоль, жеребца:

– Знакомься, зовут этого красавца Шахтёр. Конь это гордый и своенравный, – конюх протянул мне сухарики для жеребца.

Я медленно подошёл к Шахтёру и протянул на ладони покрошенные сухари. Конь подозрительно посмотрел на меня, приняхался, шагнул вперёд и вытянул свою большую морду, собирая губами крошки. Я провёл рукой по гриве и надел Шахтёру уздечку. Старший конюх довольно прокомментировал:

– Как будто почувствовал, что Шахтёр тебе подойдёт. Он тебя принял как хозяина, хотя до этого вообще никого к себе не подпускал, стервец. Он людей вообще презирает и только меня немного побаивается.

Старый конюх помог мне накинуть на коня потник, закрепил на спине Шахтёру потёртое седло, застегнул подпруги и помог мне вставить ногу в стремя. У меня был весьма скромный опыт общения с лошадьми и ограничивался то ли пятью, то ли шестью занятиями в платной школе верховой езды, куда я уговорил отца записать меня пару лет назад. Помнится, меня оттуда выгнали за хулиганство. На очередном занятии мы вместе с ещё одним парнем устроили ристалище – взяли в руки швабры и изобразили рыцарский поединок, поскакав навстречу друг другу и пытаясь сбить противника. В результате мы оба слетели с лошадей, а парень при этом ещё и сломал ключицу. В Холфорде я несколько раз отправлялся на прогулки по городу верхом на подаренном Каришкой скакуне и, в общем, восстановил в памяти полузабытые навыки.

Высокородную леди Камилетту я даже не сразу узнал – исчезли белила с лица и яркая помада, пропали многочисленные серёжки и кольца, вместо пышного длинного платья на дочери герцога был замшевый светло-бежевый костюм и короткий плащ, длинные волосы убраны под широкополую шляпу с белым пером. На поясе у девушки висел узкий короткий меч в ножнах, в правой руке – колчан со стрелами и короткий лук, через плечо переброшены две небольшие походные сумки. Леди Камилетта закрепила сумки на боках у Пчёлки, колчан и стрелы вставила в специальный чехол у седла, потом критически осмотрела меня в боевом снаряжении и сухо проронила: «Не отставай!»

Она вскочила на лошадь, стегнула Пчёлку плёткой и понеслась по дороге вдаль, поднимая клубы пыли. Я как мог понукал Шахтёра, но упрямая скотина никак не желала куда-то двигаться, тем более быстро. Лишь увесистый шлепок конюха по крупу заставил ленивое животное шевелить копытами. После минутного сопротивления и многочисленных пинков пятками по бокам Шахтёр всё же осознал, что меня не устраивает его черепаший шаг, и помчался по дороге. Помчался с такой скоростью, что я даже не на шутку перепугался – деревья мелькали по сторонам, а встречные селяне лишь в последний момент успевали увернуться от несущегося коня, их ругань ещё некоторое время слышалась позади.

Я увидел далеко впереди леди Камилетту на Пчёлке и попытался настигнуть их. Но как ни старался гнать жеребца, расстояние не сокращалось. Скорее даже наоборот, девушка постепенно увеличивала отрыв. Я то и дело терял её из виду за поворотами дорог и всерьёз начал опасаться сбиться с пути в незнакомой местности. Но у очередного перекрёстка леди Камилетта неожиданно остановила Пчёлку и дождалась меня:

– Я же говорила не отставать! Ты слишком медленно передвигаешься для пажы, мои фрейлины и то едут на лошади быстрее тебя. Любой рыцарь уже прогнал бы тебя, как неумёху, но я дам тебе ещё один шанс. Постарайся больше меня не разочаровывать. Не отставай!

Пчёлка рванула с места, лишь комья грязи полетели из-под копыт. В этот раз я постарался не медлить на старте, и подгоняемый мной Шахтёр помчался в погоню за рыжей лошадью. Это был уже вопрос принципа – ну разве какая-то девчонка может оказаться проворнее меня в таком обязательном для рыцаря мастерстве, как верховая езда?! Я не жалел ни себя, ни коня – медленно, но верно расстояние между нами сокращалось. Вскоре мы мчались рядом, в какой-

то момент я даже вырвался вперёд на полкорпуса. Но тут высокородная леди Камилетта неожиданно свернула с дороги и помчалась по скошенному лугу в сторону холмов, мне пришлось менять направление и снова догонять.

Шахтёр стал заметно уставать, мне уже не удавалось подгонять его. К счастью, Пчёлка тоже не выдерживала прежнего темпа. У подножия холма мы поравнялись и перешли на шаг. Я ехал рядом с девушкой, она молчала, я тоже не нарушал тишины. Лошади поднялись по склону холма, и уже на гребне девушка показала мне рукой вдаль:

– Видишь вход в узкое ущелье? За ближайшим поворотом в том ущелье вход в пещеру. В той пещере живёт скальный дракон-людоед. Он сейчас как раз в своём логове – видишь, дым идёт. Ты хотел доказать свою храбрость? Ну так ступай и убей этого дракона. Вот тебе две фляги, наполнишь их свежей горячей драконьей кровью. Она, хоть и мерзко пахнет, считается очень целебной. Ну, что ты стоишь, как истукан? Или все твои разглагольствования про смелость и жажду подвигов были всего лишь словами?

* * *

Я слез с коня и взял протянутые девушкой фляги. Вот это испытание так испытание! Убить дракона!? Классические испытание для храброго рыцаря, так что всё честно. Я постарался спрятать поглубже предательскую мысль о том, что я ещё не рыцарь и вполне могу им не стать, если дракон меня сейчас сожрёт.

Очень хотелось выглядеть достойно в глазах дочери герцога, а отказаться от смертельно опасного испытания – значило признаться в трусости. По обсыпающемуся склону я стал спускаться в ущелье. На середине крутого косогора я оступился и, поднимая клубы пыли, преодолел остаток пути на собственном заду. Обернулся назад и помахал рукой своей спутнице, чтобы показать, что у меня всё в порядке. Насколько я смог заметить, она не смеялась над моим неуклюжим падением и оставалась серьёзной.

Сняв со спины щит, я повесил его на левую руку. В правую же взял dwarфовский топор. И осторожно направился к повороту ущелья, за которым располагалось логово дракона. Ручеек серебрился на дне, перетекал по покатым камушкам, чуть слышно журча и радуя взор. Идиллия, да и только. Если не считать наполнявшего воздух дыма. Я направился вверх по течению, и вскоре

почувствовал неприятный запах серы. Благородная леди сказала правду – дракон был где-то там за поворотом.

Чем ближе я подходил к повороту, тем сильнее становился неприятный запах. В какой-то момент порыв ветра бросил мне в лицо клубы дыма, я даже закашлялся. Звуки моего кашля отразились от стен, породив многократное эхо. И тут же, как ответ мне, из глубины ущелья донёсся жуткий вой, от которого сердце испуганно заколотилось, и зашевелились волосы на голове. Едкий дым окутывал все вокруг, стало трудно дышать, закружилась голова. В какой-то момент я даже подумал, что не смогу идти дальше. Но вонючее облако осталось позади, и идти сразу стало легче.

Вот и поворот ущелья. Я осторожно заглянул за выступ скалы – дракона не было видно. Зато я увидел нору – огромный тёмный провал, уходящий вглубь скалы. Ручей вытекал именно из этой дыры в скале. Я перехватил щит поудобнее, произнёс короткую молитву Тору и зашагал напрямик в логово дракона. Из глубины пещеры раздался уже знакомый вой, и навстречу мне понеслись плотные клубы вонючего дыма. Я успел глубоко вдохнуть и задержал дыхание, пока облако не прошло. После чего, не дожидаясь следующего выдоха гигантской рептилии, решительно двинулся вперед.

Под ногами было мокро и скользко, толстый слой переливающейся мелкими кристалликами жёлтой серы покрывал стены, такая же грязно-жёлтая сера облепила и свисающие с потолка сталактиты. Я осторожно продвигался в темноту, осматривая всё вокруг на предмет опасности. Под ногами что-то хрустнуло, я остановился. На земле лежал скелет какого-то мелкого зверя, кости уже покрылись налётом осевшей серы. Я оглянулся – позади чётко отпечатались мои следы – наполненные водой ямки в мягком буро-жёлтом слое. Рядом можно было при желании разглядеть и старые полустёртые цепочки других человеческих следов. Но где же следы дракона?

В пещере снова слышался вой, и опять в мою сторону понеслись клубы дыма. Я задержал дыхание и переждал едкое облако. Сейчас, находясь в глубине пещеры, я понял, что звук не похож на рёв зверя. Скорее, он напоминал завывание ветра в печной трубе. Я ускорился и буквально через пару десятков шагов очутился возле тёмно-зелёного озера, на поверхности которого постоянно появлялись и лопались пузырьки сероводорода. В куполе пещеры зияла дыра, из которой пробивался солнечный свет – видимо, свод грота обвалился, создав естественное отверстие.

Я наклонился к воде и наполнил обе фляги горячей минеральной водой. Воняло возле озера изрядно, но теперь сомнений у меня не осталось – виновником неприятного запаха был вовсе не дракон, а природный термальный источник. А вскоре обнаружился и источник рёва – захваченное порывом сильного ветра облако испарений понеслось к выходу из пещеры, при этом сверху в дыре раздался знакомый леденящий вой. Всё, мне здесь нечего больше делать. Я убил дракона.

Высокородная леди Камилетта терпеливо ждала меня на прежнем месте. Она смотрелась очень величественно, восседая на лошади на фоне синего неба, так что я невольно засмотрелся. Девушка скрыла снисходительную улыбку, когда я оступился почти у самой вершины холма и нелепо съехал вниз на пузе. Второй раз по сыпучему склону я поднимался уже осторожнее, и подобный конфуза не повторился. Поклонившись, я протянул наполненные минеральной водой фляги дочери герцога:

– Я выполнил ваше поручение, высокородная леди Камилетта. Скального дракона в пещере больше нет, обе фляги наполнены горячей целебной жидкостью, как мне и было поручено. Я оценил смысл этого задания: проверить мои волевые качества. И если вам это интересно, отмечу, что вы значительно поднялись в моих глазах как возможный работодатель.

– Красивые, хоть и излишне высокопарные слова. Только сама я что-то пока не вижу необходимости в таком защитнике. Ты весьма дерзок, к тому же довольно посредственный наездник, это сразу заметно. Если бы ты отказался выполнить моё поручение и не принес фляги, для меня ты бы уже перестал существовать. А так я дам тебе ещё одну возможность проявить себя. Возвращаемся в замок. На этот раз ты скачи впереди.

Я запрыгнул на коня, осмотрелся и с ужасом осознал, что не представляю обратной дороги. Вроде мы совсем немного проехали по гребню холма, а до этого долго мчались по равнине, на которую свернули с дороги. Я осторожно пустил Шахтёра по гребню, рассматривая лежащую внизу заросшую кустарником и рощами равнину в поисках признаков дороги. Дороги я не нашёл, зато разглядел вдали на скалах замок Древний Брод. Этот ориентир сразу указал мне нужное направление, и я уверенно поскакал в ту сторону. Леди Камилетта молча последовала за мной.

Довольно быстро мы выбрались на дорогу и дальше уже продолжили путь по ней. Дорога пересекла скошенное поле, повиляла в рощице и быстро закончилась у ограды какой-то небольшой деревушки. Идущие с вёдрами воды женщины остановились и низко поклонились благородной леди, но Камилетта даже не удостоила селянок взглядом. Я постеснялся спрашивать у них дорогу и направил коня напрямик через луг в сторону видневшегося замка. Леди Камилетта не оспаривала мой выбор и поскакала следом.

Замок был хорошо виден и служил надежным ориентиром. Чтоб не повторять свою ошибку и не петлять по незнакомой дороге, я двигался напрямую, игнорируя все встречные дорожки и наезженные колеи. В одном месте мне попался столб с указателем, но радость моя оказалась преждевременной – надписи были сделаны незнакомыми мне рунами, и смысла я не понял. Благодаря урокам Феи я уже умел неплохо читать, но этого алфавита не знал.

Я пересек напрямую луг и пашню, обогнул болотце, перепрыгнул небольшой ручеёк и заметно приблизился к замку. До него оставалось примерно километра два, и я надеялся, что успешно справлюсь со вторым заданием леди. Но внезапно дорогу нам преградила река – довольно широкая, с топким берегом. Мы явно не пересекали эту реку по пути к пещере. Я остановился в нерешительности. И тут впервые подала голос ранее молчавшая дочь герцога:

– Может, ты и дальше предпочтешь ехать напрямую, но я в реку не полезу.

– Тогда, может быть, высокородная леди подскажет, как выйти на дорогу в обход реки? – спросил я.

– А сам-то, признайся, совсем заблудился? – ехидно улыбнулась Камилетта.

– Чтобы заблудиться, нужно сперва знать дорогу. Сейчас же получается не знал, не знал и вдруг забыл. Я никогда раньше не бывал в этой местности, а по дороге к логову дракона мне было не до местных красот.

– То есть, если отбросить шелуху слов, ориентируешься ты тоже неважно. Дорогу к замку ты не нашел. Какое бы испытание я тебе ни придумала – ты не блещешь. Ну, тогда сам скажи мне, в чём ты силен?

– Я умею сражаться, и никогда не брошу друга в опасности. И ещё я прилежно обучаюсь, постоянно совершенствуя свои навыки.

– Хорошо, поехали, – леди Камилетта направила Пчёлку прямо в ближайшие кусты.

За этим кустарником, всего в десяти шагах, обнаружилась ведущая прямо в замок дорога. Я покраснел от стыда.

* * *

Леди Камилетта уверенно направила Пчёлку в сторону поросшего лесом склона. Легко ориентируясь в паутине лесных тропинок, она вывела нас к уже знакомой мне тренировочной площадке. Под вечер здесь стало оживлённо – три десятка крепких мужиков под присмотром уже знакомого мне начальника охраны разбились на пары и отрабатывали схватки на мечах. Занятие было в самом разгаре, однако при появлении благородной леди Камилетты все охранники как по команде прервали тренировку и почтительно выстроились на краю площадки. Девушка спрыгнула с лошади, небрежно бросила поводья подбежавшему к ней стражнику и направилась к начальнику охраны.

– Вальдемар, выбери одного бойца. Мне нужно испытать нового пажа.

– Посильнее? Послабее? – поинтересовался начальник охраны.

– Давай для начала самого-самого слабого. А то у тебя есть мордовороты, которые могут покалечить мальчишку. Если паж вдруг справится, предложишь кого-нибудь посильнее.

Все это время я находился в двух шагах от них, и обидные слова явно предназначались для моих ушей. И хотя я не показал вида, что меня это как-либо задело, но внутренне собрался. Проигрывать самому слабому из охранников замка я точно не собирался.

Мне выдали деревянный меч с закруглённым концом и объяснили простые правила – победителем считается тот, кто первым попадёт своим оружием по любой части тела соперника. Против меня вышел парнишка лишь на год-два

старше меня. Он был на полголовы ниже и явно уступал в силе. Но, судя по тому, как он разминал кисти и свободно перекидывал деревянный клинок из руки в руку, стало ясно, что мечом он владеет неплохо. Парень был без щита, вторая рука свободна и внешне неопасна. Однако я понимал, что соперник в секунду может переложить меч в свободную руку и ударить из неудобного для меня положения.

– Начали! – скомандовал Вальдемар, и парень стал быстрым шагом, покачиваясь из стороны в сторону, приближаться ко мне. В трех шагах от меня он поднял меч над головой, показывая рубящий удар сверху справа. Я не стал отходить или уклоняться. Наоборот, быстро шагнул вперед и попытался прямым ударом в грудь поразить противника. Мой безыскусный выпад, конечно же, был отбит. Но я на него и не рассчитывал. Расстояние между нами сократилось, и я правой ногой нанёс резкий боковой удар под коленку парню. Тот явно не ожидал такого необычного и подлого приёма и, не удержав равновесие, рухнул на колени. Я наступил ногой на его оружие и приставил свой меч к его горлу.

– Неплохо. Следующий! – скомандовала леди Камилетта.

Против меня вышел бритый крупный боец с длинными жилистыми руками. Он был левшой – деревянный меч в левой руке, а на правой – большой квадратный щит. Непривычно, конечно, однако у меня имелся опыт поединков с левшами – в полку у меня был знакомый десятник-левша, я неоднократно тренировался с ним и более-менее изучил особенности левосторонней стойки.

Противник был уверен в своих силах и попёр нахрапом, активно атакуя и тесня меня к границе площадки. Щит был бесполезен, так как все удары приходилось блокировать оружием. Поэтому я вообще откинул щит, освободив левую руку. И когда наши клинки в очередной раз скрестились, я левой рукой схватил противника за запястье. Пока он пытался вырваться, я отбросил меч и уже двумя руками сумел заломить сопернику руку за спину. От боли он упал на землю, я же навалился всем телом, не давая ему вырваться, вынул из сапога нож и показал, что могу в любой момент добить соперника.

– Достаточно, – прекратила бой леди Камилетта. – Вальдемар, выстави кого-нибудь из сильных бойцов.

Вальдемар обошёл строй стражников. Остановился надолго возле крепыша с огромными мышцами, но неожиданно указал на невысокого чуть сгорбленного типа с большим пузом и пудовыми кулаками. Тот, ухмыляясь, подошёл к стойке, отложил деревянный меч и взял в руки два деревянных кинжала. Воровской стиль боя? Неожиданно для такого оплывшего бойца. Значит, мне нужно готовиться к поединку не только с сильным, но и очень быстрым противником.

Охранник встал передо мной, слегка поклонился и сразу ринулся вперёд. Я отгородился щитом и попытался удерживать его на расстоянии. Он кружил вокруг меня, делая ложные выпады и выискивая брешь в моей защите. Но не атаковал. Вскоре я пришёл к выводу, что мой соперник переоценил свои силы или просто отвык от боя двумя кинжалами. Может, когда-то в юности он был поджарым и быстрым, но сейчас это был тяжёлый неповоротливый мужик с пивным животом. Ему явно не хватало скорости. Мой друг Серый Ворон уже раз десять нашёл бы возможность атаковать меня, используя методы воровского стиля – веерную атаку, нырок под оружие, зацеп ноги или имитацию зацепа.

Что ж, если противник не атакует сам, нужно дать ему возможность для атаки – я чуть отвёл щит, неосторожно открыв бедро. В ту же секунду последовал стремительный выпад – охранник резко присел и наклонился вперёд, пытаясь кинжалом в вытянутой руке дотянуться до моей ноги. Ногу я убрал, а вот встать мой соперник уже не успел – рукояткой деревянного меча я от души стукнул его по затылку. Он припал к земле, опираясь на руку. И пока он не пришёл в себя, я подсёк сапогом его опорную руку и огрел деревянным мечом по спине – не со всей силы, конечно, просто показал удар.

– Достаточно! – раздалась команда благородной леди. – Подойди ко мне, паж.

Три боя, три победы, хороший результат! Думаю, леди Камилетта оценила моё мастерство. С довольной улыбкой я подошёл к ней.

– Каким оружием ты владеешь лучше всего? – спросила девушка.

– Одинаково хорошо длинным мечом и одноручным топором, – ответил я с заслуженной гордостью в голосе.

– Значит, только топор и длинный одноручный меч... – произнесла задумчиво леди Камилетта.

– Да, но зато ими я владею отлично!

– Если ты так уверен в своих силах, предлагаю тебе поединок со мной. Сразимся на мечах, но не до первого попадания. Один укол – это всё-таки случайность. До семи попаданий. Победитель придумывает одно желание, которое выполнит проигравший. Победишь – и сможешь красиво отказаться от унижительной службы пажом у истеричной девицы!

Сказать, что я удивился, значило ничего не сказать. Неужели эта разнеженная кукла считает, что у неё есть какие-то шансы в поединке с воином? Или это такой тактический ход – проиграть, и пусть он сам уходит? Тогда я её безмерно удивлю, объявив после победы, что моё желание – остаться пажом.

– Чего задумался, неужели боишься проиграть слабой девушке?

– Нет, не боюсь. Просто не могу понять, зачем высокородная леди Камилетта решила подарить мне исполнение желания. Я готов к поединку!

Леди Камилетта взяла небольшой круглый щит и короткий тренировочный деревянный меч. Размяла кисть руки, покрутив восьмёрки деревянным оружием, и... всухую победила меня, как трёхлетнего ребёнка! Каждая из схваток длилась не более трёх-пяти секунд. Сближение, замах моего меча, отражённый щитом или ушедший в пустоту, и сразу после этого точный укол мне в грудь или в бедро.

После такого бесславного проигрыша я нашёл в себе силы поклониться, поблагодарить девушку за хороший урок и отметить отличное владение мечом. Леди Камилетта восприняла свою победу, как нечто само собой разумеющееся. Она отмахнулась от устроенных ей стражниками оваций и ехидно спросила меня:

– Каково это – проиграть истеричной избалованной девице, способной лишь куклы переставлять из угла в угол в детской?

– Это... весьма поучительно, – ответил я, опустив глаза в землю.

– То-то. А теперь слушай моё желание. Ты отбросишь свою дерзость и станешь моим пажом, будешь безропотно участвовать в тех развлечениях, которые я сама выберу, – будь то игра с куклами или охота на диких оленей.

После этого леди Камилетта вскочила на Пчёлку и умчалась в сторону замка. Ко мне подошёл Вальдемар и подбадривающе похлопал по плечу:

– Похоже, стать охранником тебе не удастся, и быть тебе отныне пажом у высокородной леди. Наверное, нужно было тебя предупредить утром – дочь герцога отлично владеет луком и мечом. Где она научилась стрелять, я точно не знаю. Возможно, местные эльфы её обучали, она с ними в дружеских отношениях. Но точно знаю, что искусству владения мечом её обучал в столице великий мастер Роббер Смертоносный, личный телохранитель герцога Кафиштена. И хотя потом девушка покинула Холфорд, она самостоятельно продолжает регулярно тренироваться. В прошлом году леди Камилетта даже попыталась сдать экзамен на звание мастера меча, хотя и неудачно. Если бы у нее получилось, она стала бы самым молодым мастером короткого меча за всю многовековую историю Империи.

* * *

Все давно уже ушли с площадки, а я всё сидел на камне, не в силах поверить в произошедшее. Ноль – семь, полный разгром! Я едва сдерживал слёзы досады, снова и снова прокручивая в памяти детали боя. Насколько нелепо сейчас выглядело моё бахвальство перед поединком! Насколько огромной оказалась та пропасть, что отделяла меня от уровня... даже не мастера, а кандидата на звание мастера меча!

От грустных мыслей меня отвлекло появление мага-алхимика Феофана. Старик, опираясь на длинный посох, неспешно шёл в замок с полной корзиной необычных серо-голубых грибов. Я встал и поприветствовал старого мага. Феофан поинтересовался, как я обустроился на новом месте, и предложил провести меня к склепу, в котором установили урну с прахом моего друга Серафима Длинного.

Конечно же, я был готов хоть сейчас отдать дань памяти погибшему товарищу. Отвязал Шахтёра, взялся донести тяжёлую корзину и пошёл рядом с магом, ведя коня за узду. Отвёл Шахтера на конюшню, потом переоделся. В коридоре замка

встретился с казначеем и сообщил ему, что принят на должность пажа благородной леди.

Потом вышел во двор, где меня ждал маг, и последовал за ним. Семейный склеп рода Кафиштенев располагался в паре километров от замка внутри большой пещеры, на склоне холма. При входе были установлены две статуи, изображающие скорбящую женщину и коленопреклонённого молящегося мужчину. Маг приоткрыл тяжёлые бронзовые двери, хлопнул в ладоши, и по всей длине уходящего вглубь горы коридора вспыхнули фонари. Фонари были не простые – внутри каждого светился шарик магического света. Мы пошли по вырубленному в скале проходу. Примерно посередине коридора маг остановился. Я хотел идти дальше, но Феофан меня остановил:

– Не спеши. Там впереди – опасный охранный демон, отгоняет воров и не даёт духам мёртвых беспокоить живых. Прежде чем попасть внутрь, нужно успокоить демона.

Маг начал произносить торжественным певучим голосом непонятные фразы на незнакомом мне языке, потом достал из сумки большой кусок свежего мяса и бросил далеко вперёд. Мясо упало на пол, разбрызгав капли густой крови. Сразу после этого смутная тень легла на это подношение, кусок стал стремительно таять, от него отделялись и исчезали волокна. Несколько секунд, и ставшая чуть более плотной тень поднялась и исчезла в глубине склепа. На полу не осталось ничего – ни мяса, ни следов крови.

– Теперь можно идти дальше, демон нас не тронет, – спокойно объяснил Феофан.

Но я всё же пропустил мага вперёд. Коридор вывел нас в высокий зал с четырьмя каменными гробами посередине.

– Здесь покоятся четыре брата – Арсений, Космат, Громобой и Светин. Они со своими соратниками и последователями пришли в эти земли и основали первую, ещё деревянную крепость возле брода. Через семьдесят лет после этого правнук Светина, Корнелий Верный, отличился в войне с орками и получил от самого Императора Лира Хитрого дворянский титул, став первым из рода Кафиштенев.

– А откуда произошло название рода? – поинтересовался я, надеясь в душе, что задал не откровенно глупый вопрос.

Но Феофан явно обрадовался благодарному слушателю и пустился в объяснения:

– Название рода пошло от двух оркских слов: «кафи» – камень и «штенх» – охранник. Как тебе наверняка известно, названия всех дворянских родов Империи имеют либо оркское, либо эльфийское происхождение. Когда-то людей в Эрафии было мало, и все территории принадлежали оркам и эльфам. Они общались с людьми весьма высокомерно и не признавали наших старых князей и старейшин. Однако со временем некоторые герои и правители всё же заслужили уважение первородных. А, поскольку те их называли на свой манер, появились прозвища на древних языках, которые и дали названия родам. Знатные роды, чтобы выделиться из числа простолюдинов, стали именоваться исключительно оркскими или эльфийскими названиями. Потом уже эта традиция прочно вошла в нашу жизнь.

Мы прошли первый зал и по стёртым ступеням старой лестницы спустились на второй этаж. Маг опять хлопнул в ладоши, и снова загорелись магические фонари, осветив расходящиеся в стороны три длинных коридора. В нишах, выдолбленных в стенах, стояло множество погребальных урн и массивных каменных гробов. Феофан направился по одному из коридоров, я последовал за ним, рассматривая место захоронения тысяч и тысяч людей.

Вдруг Феофан резко остановился, пропуская вылетевшее прямо из стены белесое привидение. Это была прозрачная босоногая женщина с длинными распущенными волосами, в старомодном платье. Она не обратила на нас никакого внимания и поплыла вперёд по коридору, не касаясь пола.

– Кто это? – едва слышно спросил я Феофана.

– Проклятая Эльза, этот призрак живёт тут уже лет двести. Не знаю, почему душа Эльзы не может обрести покой. Сама она не рассказывает про свою жизнь и очень не любит, когда кто-то интересуется её прошлым. Но если её не трогать, она не опасна.

– А есть здесь другие призраки? – поинтересовался я.

– Тут много призраков, но агрессивных среди них нет. Есть даже призрак родной матери нынешнего герцога – очень занудная моралистка, встречает каждую похоронную процессию и непременно хочет пообщаться. Есть призрак утопленницы Марты – робкое привидение, которое иногда плачет в дальнем тупике и просит высушить её одежду. Есть Сварливый Пророк, одно из самых старых привидений тут, обычно подкарауливает возле лестницы и предрекает идущим скорую смерть. Если пренебречь словами призрака и не предпринять защитных мер, то предсказание сбывается. Но предсказанного несчастья можно избежать: если Сварливый Пророк предрёк тебе скорую смерть, достаточно сходить в храм богини судьбы Фаэтты и принести дар богине. Здесь призраков мало – сюда периодически приходит жрец из храма Мораны. Если жрецу удаётся понять, чего хочет неупокоенный дух, то его можно попробовать умиротворить и отпустить на встречу с богиней смерти. На этом этаже давно уже не хоронят умерших, так что почти всех духов уже отправили покоиться с миром.

– А где сейчас хоронят умерших? – поинтересовался я.

– Есть ещё третий уровень, там похоронен и твой друг. В конце коридора начиналась еще одна лестница вниз. Возле ступеней в воздухе колыхался едва заметный призрак. С трудом можно было различить очертания высокого бородатого старика. При нашем появлении старик оживился и поплыл к нам:

– Вижу будущее, вижу скорую встречу с тобой, старик! – едва слышно прошуршало привидение.

Возможно, когда-то, в далёком прошлом, этот подвывающий голос мог напугать до смерти. Но сейчас привидение находилось в очень плохом состоянии – оно было почти прозрачным, и потоком воздуха его контуры иногда разрывало на куски. Феофан остановился и строго посмотрел на привидение:

– Опять ты за своё! Смотри – развею! – пригрозил маг Сварливому Пророку.

– А, это ты, Феофан, – грустно вздохнуло привидение. – Ни дня от тебя покоя нет. Когда же ты, наконец, закончишь свои земные дела и присоединишься ко мне?

Феофан двумя руками взялся за свой посох. Вокруг набалдашника появилось слабое свечение. Призрак сразу забеспокоился и поспешно забормотал:

– Стой, я же пошутил! Совсем плохо у тебя с чувством юмора, – с этими словами Сварливый Пророк скрылся внутри стены.

Старый маг усмехнулся и погасил свечение посоха, затем стал спускаться по лестнице на нижний этаж подземелья, я старался не отставать. Внизу нас опять ждали три расходящихся в разные стороны тёмных коридора. Маг почему-то не стал зажигать свет на нижнем ярусе – может, это заклинание требовало слишком много сил. Вместо этого он что-то пробормотал и уверенно направился прямо в темноту. Я последовал за ним, с трудом вглядываясь во тьму, но уже через полсотни шагов перестал что-либо видеть. Заклинание света у меня, как всегда, сработало безукоризненно. Белый яркий шарик осветил высокие стены и спину Феофана. Он остановился, прикрывая рукой глаза от яркого света.

– Неплохо, неплохо, – прокомментировал старик. – Чувствуется магия светлых богов. Весьма необычно для воина. Хотя помнится, вчера ты говорил, что применял и лечебную магию.

– Я – паладин Тора! И пусть пока еще неопытный, но способен уже применять некоторые светлые заклинания жрецов Тора.

– Тогда понятно. Пошли дальше, мы уже почти на месте.

Действительно, шагов через сорок старик остановился и указал мне на стоящую в нише неприметную керамическую урну без всяких надписей и рисунков:

– Вот здесь покоится прах твоего друга. Ты, наверное, захочешь проститься с ним наедине. Я не буду мешать и подожду тебя возле лестницы.

Старик ушёл, я же остался наедине со своими мыслями. Как ведь нелепо получилось – преодолеть вместе столько препятствий, добраться до цели и возле самого замка потерять друга. Серафим не только помогал мне ценным советом, он поддерживал в трудную минуту, сражался бок о бок...

* * *

Краем глаза я заметил какое-то движение и оглянулся. Серафим Длинный собственной персоной вышел из стены и завис в полуметре над уровнем пола.

Если бы не прозрачность, его вполне можно было принять за живого. Призрак посмотрел на меня, затем огляделся по сторонам и проговорил таким знакомым насмешливым голосом:

– Вот оно как бывает, оказывается. Скажу тебе, Пётр, весьма непривычные ощущения – нет голода, нет усталости, нет боли. Только пронизывающий насквозь холод и чувство вины за то, что не сделал самое важное. Прости меня, Пётр. Я очень виноват перед тобой.

– О чём это ты? – удивился я.

– Помнишь, я упоминал, что раньше работал охранником на Арене? Так вот, началось всё ещё тогда. Был я тогда молод и глуп, захотелось мне шикарной жизни – чтоб и красивые девки вокруг, и дорогие вещи, и золотишко в кошельке. Ну, и связался я с одним опасным типом по кличке Костолом – тот постоянно крутился на Арене, у него была куча денег и обширные связи среди дворянства. Он через посредников или напрямую давал мне заказы, он же оплачивал мою работу. Разные это были заказы, мне приходилось участвовать в весьма сомнительных делишках: и информацию о бойцах передавать соперникам, и подпаивать гладиаторов, и магические амулеты припрятывать на Арене перед боем, и трупы по-тихому выносить через чёрный вход. Но деньги мне платили исправно, и совесть меня не мучила. Однако самое досадное, денег всё равно не хватало. Роскошная жизнь требовала всё больше и больше монет. И однажды я решил обмануть Костолома.

Я должен был передать кошелёк с деньгами одному из сильных гладиаторов, чтоб тот сдал бой, очень серьёзную сумму. А чуть раньше я случайно подслушал, как Костолом другому бойцу приказал прикончить этого противника на арене, как только тот подставится. Ну, и я решил – чем отдавать золото тому, кому деньги уже скоро будут не нужны, лучше присвоить монеты себе. Я встретился с бойцом, передал предложение Костолома сдать бой, но деньги не отдал – сказал, что оплата будет по окончании поединка. А утром я все деньги поставил на смерть сильного бойца от рук новичка. Бои между гладиаторами на Арене очень редко кончаются гибелью, и выигравшая ставка на смерть во много раз увеличивает сумму. Ты только представь, как немыслимо должна была вырасти ставка на смерть ветерана от зелёного новичка. Именно на этом и собирался сыграть Костолом.

Но бой закончился по-другому: не получив оплату, сильный боец не стал поддаваться. Я потерял все свои деньги. Хуже того, Костолом тоже очень серьёзно проигрался. Я слишком хорошо знал, что случается с теми, кто обманывает Костолома, и решил пуститься в бег. Но когда я пытался покинуть Холфорд, то вовремя заметил среди охранников городских ворот людей Костолома. Выход из города для меня был закрыт. И тогда я сделал то, чего никто не ожидал: сменил имя и поступил рекрутом в городскую стражу. Прошло несколько лет, постепенно мои страхи забылись. Я дослужился до десятника и был на хорошем счету у капитана. Но однажды во время ночного патрулирования города мне вдруг на голову накинута мешок, связали и отвезли к Костолому.

Костолом за прошедшие годы сильно изменился – постарел, на шее у него появился страшный шрам поперёк горла, но в глазах остался всё тот же жёсткий блеск. Встретил он меня с показным радушием, хотя я прекрасно понимал, что жизнь моя уже кончилась и сейчас мне предстоит долгая мучительная смерть. Но я ошибся, Костолом меня не убил. И даже не так уж сильно избил – сломал лишь нос и пару рёбер. А потом предложил мне возможность выжить. Нужно было продолжить работать на него, но уже в качестве городского стражника. Я сразу же согласился.

С тех пор я выполняю разные поручения для Костолома: передаю сведения о задержанных, предупреждаю об облавах, иногда охраняю товары. И вот недавно через посредника Костолома поручил мне разузнать, имеется ли среди солдат полка стражник по имени Пётр Пузырь. Когда я сообщил, что нашёл десятника под таким именем, мне приказали любыми правдами и неправдами попасть в твой десяток. Это оказалось совсем нетрудно – ты как раз набирал солдат, я поговорил с нужными людьми и оказался в списке твоих подчиненных. – Но зачем, Серафим? Кому я понадобился? – удивился я.

– Не ты сам. Кому-то очень влиятельному потребовались сведения о твоём близком друге Сером Вороне. Найти Серого Ворона самостоятельно они не смогли, зато какими-то окольными путями вычислили его близкого друга. Мне было поручено находиться рядом с тобой, оберегать тебя и, если с тобой встретится Серый Ворон, подать сигнал. Твоего друга я ни разу не видел, сигнал не подавал, так что в этом плане моя совесть чиста. А дальше... Помнишь, мы стояли в оцеплении на площади, где проходила казнь культистов? Я ведь сразу узнал ту женщину, которая позвала нас на помощь. Это была посредница, которая обычно передавала мне приказы Костолома. Уверен, наш десяток был

выбран не случайно – кто-то хотел, чтобы именно ты нашёл арбалет Серого Ворона и попытался вернуть оружие владельцу. За нами в переулке явно кто-то наблюдал, потому и твоя стычка с виконтом не прошла незамеченной.

Поздно вечером та же женщина встретила меня у казармы и передала новое задание: утром выйти на Арену, дожждаться тебя и помочь в бою. Ты должен был остаться в живых – через тебя они хотели выследить Серого Ворона. После громкой победы в поединке ты ушёл прощаться со своей невестой, а я направился в казарму. По дороге меня нагнала та самая женщина. Я сообщил ей, что герцог нас нанял, и мы отправляемся в замок Древний Брод. Она приказала мне обязательно проследить, чтоб ты захватил арбалет Серого Ворона, ведь рано или поздно хозяин за своим оружием явится. Пётр, ты отличный, надёжный товарищ, мне было очень тяжело нести в душе этот груз предательства. Поверь, Пётр, я несколько раз порывался признаться тебе, но не успел. Я не был праведником, но и откровенным негодяем тоже не был. Сейчас я понимаю, что моя душа, пусть и спустя долгие годы скитаний по Серым Пустошам, могла бы получить шанс на перерождение. Но тяжкие оковы предательства привязывают меня к этому месту и не дают моей душе отправиться на встречу с богиней смерти. Если ты сможешь меня простить, мой дух освободится. Ты простишь меня, Пётр?

– Серафим, я всегда хорошо относился к тебе и считал образцом для подражания. Я не держу на тебя зла и прощаю тебя.

После моих слов призрак улыбнулся и засиял белым внутренним светом. Силуэт вытянулся, чуть приподнялся над полом и завис в воздухе. Но не исчез.

– Видимо, остались у меня какие-то недоброжелатели и незавершённые дела, – произнёс задумчиво призрак. – Слушай, Пётр. У меня есть к тебе взаимовыгодное предложение. Я могу дать тебе и твоему другу ценный совет, ты же поможешь мне отправиться на встречу с богиней смерти.

– Как я могу помочь тебе? – спросил я.

– Очень просто. Ты – паладин, и тебе должны быть доступны умения светлых жрецов. Когда-то я видел, как обычный неграмотный деревенский священник развеял восставшего из могилы зомби. Священник тогда помолился светлой богине плодородия, потом протянул правую руку к зомби и произнёс: «Покойся с

миром!»

– Можно попробовать, – согласился я.

– Вот и отлично, – обрадовался призрак. – Теперь слушай внимательно. Костолом очень хитёр. Он уверен, что рано или поздно твой друг найдет тебя, чтобы забрать свой арбалет. Место здесь глухое, и своих людей у Костолома тут явно нет. Значит, в замке или окрестностях вскоре появится кто-то новенький. Этот человек постарается держаться неподалёку от тебя, даже попробует войти к тебе в доверие. Не подавай виду, что ты распознал его. Будь начеку и при первой же возможности предупреди своего друга. Пусть он постарается как можно скорее покинуть замок и скрыться.

– Насколько я знаю моего друга, он просто так не убежит. Наоборот, он постарается выследить своих врагов.

– Тогда подскажи ему, как найти Костолома. Мрачный тип, часто отирается на Арене, окружён толпой охранников. Твой друг его сразу узнает по жуткому шраму на шее – мало найдётся людей, способных выжить после того, как им перерезали глотку. Но если твой друг опасается быть узнанным на трибунах Арены, пусть последит за особняком Костолома. Это огромный зелёный дом возле Дворцового парка во внутреннем городе, при входе в него стоят две статуи – огненный великан и тролль. Не ошибётся. Это всё, что я хотел сказать. Теперь выполни твою часть уговора.

Я закрыл глаза, сосредоточился и помолился Тору – богу силы, мужества и справедливости. Сразу же почувствовал отдачу от молитвы: все тревоги ушли, появилась уверенность и сила. Пока не прошло это благодатное состояние, я открыл глаза, направил правую руку на призрака и произнёс:

– Покойся с миром, мой друг!

Призрак засветился, начал растворяться в воздухе, и через пару секунд исчез. Лишь откуда-то сверху раздался затихающий голос Серафима:

– Спасибо тебе!..

Я направился к выходу из склепа, но дорогу мне внезапно преградил еще один призрак, вылетевший прямо из стены. Это была маленькая девчушка с двумя торчащими в разные стороны прозрачными косичками, босая и в длинной ночной рубашке.

– Я видела, как ты помог этому дяде, – тихим жалобным голосом проговорила она. – Помоги и мне, пожалуйста. Я потеряла свою маму и нигде не могу её найти. Пожалуйста, проводи меня к ней.

Призрак выглядел совершенно безобидно, совсем юное дитя, напуганное и растерянное. Я не мог ему отказать.

– Конечно, я постараюсь помочь тебе. Расскажи, как ты потерялась, – попросил я девочку.

– Была осень, я попала под дождь и простудилась. Долго болела, сильно кашляла и не вставала с кровати. Мне было очень плохо... Последнее, что я помню, – мама сидела рядом со мной и держала меня за руку, мама была очень грустной. А потом она поцеловала меня и почему-то заплакала. Она долго-долго плакала и смотрела на меня так, словно хотела навсегда запомнить моё лицо. А потом запела мою любимую колыбельную песню. Я с детства любила эту песню и всегда под неё засыпала. И когда моя мама запела, мне сразу стало хорошо и тепло, я перестала кашлять и уснула. А когда я проснулась, то оказалась здесь. Здесь темно и очень холодно, и здесь нет моей мамы. Я звала-звала её, но она так и не пришла ко мне. Я не знаю, где она. Мне очень страшно уходить отсюда – вдруг мама придёт сюда за мной и не найдёт? Я же тогда могу навсегда потеряться!

– Грустная история. И давно ты тут ждёшь маму? – спросил я.

– Не знаю. Давно, наверное. Когда я только появилась здесь, тот старик, с которым ты пришёл, был молодым дядей с тёмными волосами. А сейчас он совсем-совсем белый дедушка.

– Кажется, я знаю, где твоя мама. Сейчас я тебя к ней отведу, – пообещал я давно умершей девочке.

Я протянул руку светящемуся призраку, и маленькая невесомая детская ручка легла на мою ладонь.

– Покойся с миром, бедное дитя! – сочувственно произнёс я.

Призрак стал подниматься выше к потолку склепа и вдруг рассыпался светящимися искорками. Откуда-то из неведомой дали мне почудился тихий шепот:

– Доченька моя! Как же долго я искала тебя!

Я не смог удержать навернувшиеся слёзы. Всё-таки хорошо, что эта маленькая девочка обрела долгожданный покой. Но не успел я пройти и пару шагов, как вдруг коридор оказался забит привидениями, во множестве появившимися со всех сторон.

Их были сотни, а может, и тысячи. Они мельтешили в воздухе, облепили все стены и потолок, сплошной массой стояли в коридоре. Феофан заметно занервничал и стал произносить заклинания. У его ног на каменном полу проявились яркие линии пентаграммы. Затем Феофан создал вокруг себя светящуюся сферу защитного поля, а затем ещё и магическое огненное кольцо. Посох старого мага засветился угрожающе-красным светом. Похоже, старик на полном серьёзе собирался пустить в ход боевую магию.

– Феофан, остановись! Не трогай их! – закричал я и побежал к нему.

Призраки пропустили меня, не причинив никакого вреда.

– Что ты натворил? Почему вдруг они все всполошились? – спросил меня старик, когда я подбежал к нему. Феофан напряженно озирался, всматриваясь в шевеление в темноте.

– Ничего я не натворил. Просто помог паре призраков обрести покой.

– А получше места для таких экспериментов ты не мог найти?! – заорал испуганный Феофан. – Это же древний склеп! Тут за прошедшие века похоронены многие тысячи покойников. В этом склепе обитают сотни призраков,

некоторые веками ждут освобождения. Ты же своим поведением их раздражил. Они теперь пойдут на всё ради возможности освободиться! Боюсь, нас живыми уже не выпустят! Приготовься, попробуем пробиться к лестнице!

* * *

Старик ошибался. Призраки не стали атаковать и задерживать нас, мы без проблем выбрались на поверхность. От быстрого подъема по лестницам Феофан запыхался, он опёрся на свой посох и часто хрипло дышал. Потом достал из своей сумки какой-то пузырёк, непослушными пальцами долго выковыривал пробку и залпом выпил содержимое.

– Никогда так больше не делай! – строго сказал мне старый маг-алхимик. – Мы едва остались в живых. Если чем и можно вывести нежить из пассивного состояния, так это перспективой избавления от посмертных мук. Даже на запах свежей крови мертвецы не настолько бурно реагируют.

– Но ведь вы сами говорили, что в этот склеп ходят жрецы Мораны и избавляют призраков от земных оков! – недоумевал я. – С чего это им так бурно реагировать?

– Да ты, оказывается, не знаешь разницы между тёмными и светлыми богами! Стыдно должно быть тебе, ты же паладин светлого бога Тора! В чём различие между светлыми и тёмными богами?

Я ответил, как меня учили жрецы в храме Тора:

– Светлые боги даруют свою благодать всем достойным. Если человек живёт праведно, то он вправе рассчитывать на поддержку светлых богов. А тёмные боги свои милости просто так не раздают, а заставляют дорого приобретать – страданием, и выполнением поручений.

– Теперь видишь разницу: просто так получить свободу или купить эту свободу очень дорогой ценой? Слуги богини смерти, как никто другой, обладают огромной властью над мертвецами. Они могут общаться с нежитью, могут даже устанавливать над ней полный контроль. Если призрак находится под контролем слугителя богини Мораны, тому достаточно приказать застрывшей душе

покинуть этот мир, и призрак исчезнет, его заблудшая душа отправится на встречу с богиней смерти. Но для этого сперва мертвец должен подчиниться воле тёмного жреца. Представь – он добровольно должен отдать себя в полное распоряжение хозяина. И свою будущую свободу нежить приходится долго отрабатывать, а возможность благополучно закончить свой земной путь стоит ой как дорого! Не все призраки готовы попасть после смерти в рабство. Вот и скитаются потом нежить по всяким склепам и гробницам, подпитываясь при случае эмоциями или даже плотью живых людей. Они могут так существовать столетиями, пока в итоге не будут истреблены борцами с нежитью, или пока силы не иссякнут настолько, что они развеются окончательно.

Я решил разобраться в данном вопросе и начал для наглядности загибать пальцы:

– Получается, у неупокоенного духа три пути. Первый: он может встретить светлого жреца, и тот его отправит к Моране. Второй: он встретит тёмного жреца и согласится отработать своё освобождение, после чего рано или поздно опять же отправится к Моране. И третий путь: мертвец может быть повторно убит или со временем сам собой ослабнет и развеется навсегда, в этом случае к богине смерти он не возвратится и шанса на повторное возрождение не получит. Так?

– В целом, так, – согласился Феофан. – Если забыть о некромантах.

– Некромантия же запрещена под страхом смерти!

Старик как-то неопределённо хмыкнул, словно я сказал что-то весёлое. Потом пояснил:

– В Империи некромантия действительно запрещена и карается смертью. Но в других странах – в Курстане, в Пустошах Демонов или на островах Западного Океана – можно встретить тёмных магов и жрецов, погрязших в некромантии. Своим чёрным колдовством они способны, невзирая на нежелание мертвецов, силой взять контроль над их душами. Причём не только над находящейся в нашем мире неупокоенной нежитью, но даже выдернуть уже ушедшие к Моране души из Серых Равнин и вселить их обратно в изгнившие тела или предметы. Страшна участь таких поработченных душ – они всецело принадлежат своим жестоким хозяевам и вынуждены служить им без малейшей надежды на

освобождение. Вселённые в скелеты и зомби души погибают окончательно, никакого возрождения для них уже не будет.

В замок мы возвратились уже в потёмках – старик плохо себя чувствовал и постоянно останавливался по дороге, глотая всё новые и новые порции лекарства. Я проводил Феофана до его комнаты, помог ему снять пыльный дорожный наряд и переодеться в тёплый домашний халат. Старика знобило, он выглядел очень уставшим и даже больным. К себе в спальню я завалился уже без задних ног от усталости.

* * *

Утро выдалось дождливым и холодным, но после завтрака я всё же отправился под холодным мелким дождём на тренировочную площадку. Никого вокруг не было, я разделся по пояс и долго гонял себя изнурительными упражнениями – отжимался, прыгал на скакалке, поднимал валуны, качал пресс. До обеда оставалась ещё куча времени, а раньше обеда заявляться к высокородной леди не имело смысла. Когда дождь закончился, я достал из-под навеса тренировочный лук, натянул тетиву и взял из связки одну из стрел. И... первым же выстрелом исхитрился поранить до крови запястье щёлкнувшей тетивой – забыл надеть специальную защитную перчатку. Натянув на раненую руку кожаную перчатку, я принялся обстреливать ростовую мишень, находящуюся в тридцати шагах. Из первых десяти выстрелов в цель попала только одна стрела, но я не отчаивался. Во второй серии удачными оказались три выстрела, в третьей – четыре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/atamanov_mihail/doroga-k-rycarstvu

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)